Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

В. ЛЕНЧЕВСКИЙ

80 дней в огне

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ленчевский Владимир Евгеньевич родился в 1904 г. в Астрахани в семье бондаря. В 1918 г. ушел добровольцем в 1-й Казанский Красногвардейский отряд, затем в составе Чапаевской дивизии воевал на Восточном фронте против Колчака, впоследствии — в партизанском отряде Щетинкина.

В 1927 г. закончил Одесское пехотное училище. После демобилизации работал председателем колхоза, в 1930 г. был вновь призван в армию, где и прослужил на средних командных должностях до 1935 г. После вторичной демобилизации окончил планово-экономический институт и институт иностранных языков.

В годы Великой Отечественной войны Ленчевский прошел боевой путь от стен Сталинграда до Вены, служа в разведотделах дивизии, корпуса и армии. Ныне Ленчевский — подполковник запаса.

Книга «80 дней в огне» — это воспоминания Ленчевского, начальника разведки знаменитой дивизии Л. Н. Гуртьева, защищавшей Сталинград на главном направлении. Автор рассказывает, как в условиях Сталинградской битвы действовала наша боевая разведка, правдиво показывает мужество, героизм и боевое мастерство советских людей, которые стояли насмерть за твердыню на Волге.

- 80 дней в огне
  -
  - ПЕРВЫЕ СУТКИ
  - КОРОБКА ПАПИРОС
  - ВОЛГА ГОРИТ
  - СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ!
  - ДВОЙНАЯ ИГРА
  - ДНЕВНИК
  - ОТВАЖНЫЕ
  - НА ОТДЫХЕ

80 дней в огне

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВЛАДИМИР ЛЕНЧЕВСКИЙ

80 ДНЕЙ В ОГНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ РАЗВЕДЧИКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАПИСЬ
М. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

ПЕРВЫЕ СУТКИ

Сентябрьская ночь 1942 года. Солнце давно скрылось за горизонтом, но в городе светло как днем. Багровые зарева войны полыхают над Сталинградом. Но не только они освещают землю. Огненной гирляндой над передним краем висят разноцветные ракеты, осветительные бомбы, снаряды. И хоть сейчас ночь, по передовой нужно ходить так же осторожно, как днем. Фашистские наблюдатели просматривают каждый шаг.

Впереди высокий берег реки, за плечами темно-фиолетовая Волга. Сейчас она не похожа на величественно-спокойную красавицу. Волга бурлит. Да, буквально бурлит, так часто из нее вылетают серебристые гейзеры от падающих в воду фашистских бомб, снарядов и мин. Противник бьет по переправе. Его артиллеристы охотятся за катерами, перевозящими на левый берег раненых, а обратно — боеприпасы. Невольно вспомнились слова приятеля — участника боев в Сталинграде: «Если передовая — преисподняя, то переправа — настоящий ад».

Я только что проверил эту поговорку на собственном опыте. Переправляясь через Волгу, я едва не отправился к праотцам: мины все время падали рядом с суденышком.

Но вот и КП дивизии. Сейчас на сухом фронтовом языке командный пункт называется «хозяйством Гуртьева».

«Хозяйство», вообще говоря, не совсем уютное, но соседи завидуют Гуртьеву. Еще бы! Хорошо потрудились здесь сибиряки-саперы. Использовав один из обрывов, которыми богат правый берег Волги, они вырыли длинный коридор, по бокам которого сделали пещеры — блиндажи. В конце коридора размещался нерв дивизии — связь.

После яркого, золотисто-желтого света горящего города в штольне особенно темно, а коптящие огоньки фронтовых светильников, сделанных из снарядных гильз, мерцают довольно тускло. Между тем штаб напряженно работает и днем и ночью. Монотонно зуммерит телефон, совсем рядом трещит пишущая машинка. Вхожу в один из блиндажей, здесь немного больше света. За столом сидит сухощавый, в хорошо отутюженной гимнастерке полковник. Его безукоризненно выбритое лицо серьезно, а глаза из-под густых бровей смотрят собеседнику в зрачки. Взгляд твердый, вначале кажется: перед тобой суровый, а может, и педантичный человек. Однако так только кажется. В глазах заметны теплые огоньки, а концы губ чуть-чуть изогнуты в улыбке. Это Леонтий Николаевич Гуртьев. Он участник трех войн — империалистической, гражданской и Отечественной. В

1914 году ушел со второго курса политехнического института на фронт и с тех пор не снимал мундир.

Вопросы, которые он задает, краткие и дельные, свидетельствуют о желании как можно лучше познакомиться с посетителем. Узнав, что я назначен начальником разведки, Гуртьев стал особенно внимательным. Мы говорили довольно долго.

— Ваш блиндаж справа от моего. К двадцати четырем подготовить план ночного поиска, — наконец приказал полковник и отпустил меня.

Подготовить, а как? Не зная людей и обстановки? Впрочем, ответил по-уставному: «Есть, к двадцати четырем подготовить план ночного поиска» — и сделал движение, чтобы повернуться налево кругом, но полковник остановил меня. Его лицо смягчилось, стало простым, а не высеченным из камня, как мне показалось раньше. Особенно обратили на себя внимание покрасневшие веки, коричневые мешки под глазами, морщинки на щеках — следы страшной усталости.

Гуртьев минуту молчал, а затем тихо, задумчиво глядя куда-то поверх меня, сказал:

— Люди у нас, капитан, славные, замечательные, одно слово — сибиряки.

«Сибиряки» — сказано с гордостью и в то же время с большой теплотой. Вспомнил, видно, и озеро Байкал, и холодные бескрайние степи, и древнюю сказочную тайгу.

Я пошел к себе в блиндаж, сел за некрашеный, шершавый, как наждачная бумага, стол, зажег светильник и засек время. 22 часа 30 минут. Значит, на подготовку осталось девяносто минут. Ясно, за такой короткий срок составить план ночного поиска нельзя. Чтобы назначить людей в группу захвата и группу отвлечения, надо знать каждого из них, знать очень близко, как брата. Знать личные качества, сноровку, умение ориентироваться в темноте и, главное, обладают ли они мужеством. Последнее-то не у всех одинаковое. Один умеет, не останавливаясь, ползти змеей под самым жутким минометным обстрелом, другой может спокойно закуривать трубку там, где ни на секунду не смолкает вражеский пулемет, но и первый, и второй не всегда смогут прыгнуть ягуаром на вражеского часового. Да что тут говорить! А местность? Что мне известно о кварталах, улицах, где ведут бои полки дивизии? О руинах, где каждая пядь земли может явиться и надежным укрытием, и западней? Значит, нечего сидеть и следить за секундной стрелкой, а надо бежать к разведчикам. Они подскажут многое. Сталинградский солдат по боевой закалке никому не уступит.

В блиндаже разведроты встретились старые сослуживцы по штабу 62-й армии. По настороженности, с которой они слушают, ясно: сумеют подсказать.

В минуты высшего напряжения люди порой говорят особым языком, образно, убедительно и в то же время сжато. Сейчас, слушая их, сам как бы видишь кирпичный домик над обрывом, извилистый лаз между руинами и, наконец, передний край противника. Ясно, их план выношен, как сюжет литературного произведения. Видно, давно думали над подобным боем и татарин Ахметдинов, и украинец Сахно, и русский Чуднов.

План поиска интересный. Слушаешь и восторгаешься. Затем другая мысль: а ведь каждый из его создателей уже определил себе место в этом бою. И, понятно, определил невзирая на большой риск, не считаясь с собственной жизнью. И третье — как быстро люди, вчера еще совсем мирные, овладели трудной и тяжелой тактикой войны.

Ползем среди разрывов мин, под непрерывный свист пуль к передовой и, взобравшись на развалины одного сарайчика, пытаемся получше ознакомиться с обстановкой. Но много увидеть не удается: по-прежнему полыхает сталинградский пожар.

В 24.00 я доложил:

— Товарищ полковник, план готов.

Хочется прибавить, какой план. И еще сказать: не мой он, а Ахметдинова, Сахно и Чуднова.

Гуртьев похвалил скупо. Оказывается, он все знал.

— Хорошо, что посоветовались с разведчиками, они говорили мне о лазе между развалинами…

Без умолку зуммерит полевой телефон. Полковник берет трубку, слушает и приказывает связисту:

— Вызовите пятнадцатого.

«Пятнадцатый — это майор Чамов», — вспоминаю случайно подслушанный несколько минут назад разговор.

— Пятнадцатый, почему молчит батарея? — спрашивает комдив и хмурится. Потом он на минуту закрывает глаза. В чем дело? Утомление? Вероятно, иное, очевидно, это попытка хотя бы мысленным взором охватить участок переднего края дивизии, который тянется от «Красного Октября» почти до Тракторного. Да, я не ошибся. Полковник бросает в трубку телефона несколько коротких приказаний. Он говорит о коробочках, спичках и карандашах, требуя подтянуть танки, стрелять из пушек и минометов. Снова зуммерит телефон. Лицо комдива темнеет.

— Наседают? А резерв? Уже израсходован? Трудно? Понимаю, понимаю, но подкрепления дать не могу, нет. Понимаешь, у самого нет. — Взгляд Гуртьева скользит по карте.

Минута напряженного раздумья (через лоб протянулась морщина) — и решение принято. — Проведите отвлекающий маневр у железнодорожной ветки, и огня, побольше огня.

Я был там, около этой железнодорожной ветки, или, вернее, около ее остатков. Насыпь изрыта блиндажами, рельсы разворочены снарядами.

Снова телефон.

Полковник сердито насупился и привстал. Хотя его лицо по-прежнему спокойно, все же нетрудно догадаться: случилось очередное, обязательное в сталинградские дни чрезвычайное происшествие.

— Капитан, — резко обращается он ко мне, — в районе второго объекта прорвались фашистские автоматчики. Возьмите разведчиков и уничтожьте их.

Срываюсь с места, выкрикиваю: «Есть, уничтожить! Разрешите идти?», но Гуртьев меня задерживает, быстро и в то же время тщательно объясняет, в каком именно месте просочились гитлеровцы.

Разведчики спят. Спят потому, что каждую свободную минуту сталинградский солдат стремился подарить отдыху. Слово — они на ногах. Осматривая отряд, пересчитываю. Ну и рота — девять человек! Устремляемся на передовую.

Впрочем, понятие «передовая» более чем условное. Сталь сыплется одинаково и в окопы, и в штабную полевую кухню. Продвигаться следует очень осторожно. Враг сверху видит каждый твой шаг.

Где немцы? Как их обнаружить? Объект номер два — большое складское здание завода «Баррикады». Железобетон его стен развалился на глыбы, удивительно непроходимые и путаные. Прежде чем уничтожить автоматчиков, следует их разыскать, а враг коварен, он не показывает себя, но старается обнаружить и поймать на мушку тебя. И еще одно: надо беречь людей, и хотя нас очень мало, в условиях сталинградского городского боя девятка — тоже сила. В полках удручающе пусто.

Если с гитлеровского наблюдательного пункта заметят, тогда держись… Напророчил. Зловеще заскрипел фашистский «ванюша». Каждый метр берега ими великолепно пристрелян, и мины шлепаются почти рядом. Нас, видимо, собрались отрезать от Волги. Выход один — вперед, под обрыв, там не увидят. Маневр удался.

Дальше, как во сне… Непрестанная трескотня автоматов, уже у самой заводской стены бой врукопашную. Враги неосторожно выдали себя. Мы их расстреливаем почти в упор. Крики, ругань — немецкая, русская, украинская, татарская. После — тишина,

упоительная, почти музыкально прекрасная.

Правда, вокруг не совсем безмолвно, так просто кажется. Обыкновенная галлюцинация слуха. Стреляют не в нас, а ухо на такое не реагирует. Я лежу на теплой, покрытой мелким щебнем земле… Где-то изредка взрываются мины, большей частью шальные, бросают их, пожалуй, для порядка, но не в цель.

Минута отдыха, и тщательная прическа руин. Никого. Значит, уничтожили. А если кто и остался в живых, не разыскать. Правда, такой притаившийся зверь очень опасен. Он контролирует пути на КП, в медпункт, к реке.

Чуднов ползает взад и вперед, от глыбы к глыбе и призывает:

— Фриц, фриц, хенде хох, Гитлер капут, битте, битте.

Вот и весь запас его немецких слов. Приглашает в плен вежливо, почти нежно. Напрасно — никто не откликается.

Пересчитываем убитых гитлеровцев. Тринадцать. Что за роковое число! У нас убито двое. Итог, несомненно, в нашу пользу, а брови сдвигаются с ненавистью. Свои, русские люди погибли.

У входа в штольню встречаюсь с офицером связи Аргунским.

— Ну, как план ночного поиска? — спрашивает он. — Неужели успели составить?

— Успел не только составить, но и повоевать, — отвечаю грубо. А почему? Аргунский симпатичный человек. Я знаком с ним еще по штабу армии. Видно, характер стал портиться.

Вдруг трушу. До неприличия. Вспоминаю, как полчаса назад чуть не убили. Впрочем, могло случиться и хуже. Могли ранить, например в живот. Боюсь такого. Внезапно нахлынувший страх, вроде озноба после сна, проходит мгновенно. Да и не до личного. А бой продолжается. То и дело у самого входа на КП рвутся мины.

Полковник встретил приветливо. Прежней сухой официальности нет. Он выглядит бодрым, посвежевшим. В ответ на доклад о выполнении задания только кивает головой. И понятно, таких мелких стычек за ночь не перечтешь.

— Поиском займемся завтра, — сказал он, — а сейчас пойдем на наблюдательный пункт.

На НП мое место и по должности. Разведчик — глаза дивизии.

Быстро светает. На востоке над самым горизонтом неподвижно висят похожие на гигроскопическую вату облака. Постепенно они краснеют, словно впитывая в себя кровавые испарения земли. Гуртьев идет медленно, часто останавливается, разговаривая со встречными бойцами и командирами. Он почти со всеми хорошо знаком. Вначале не понимаю: зачем он так делает? Идем-то на наблюдательный пункт по делу. Вскоре

понимаю. Прав комдив. Он стремится быть в курсе дел своих подчиненных.

На НП нас встретил офицер-наблюдатель комсомолец Разделов. Четко отрапортовав комдиву, он смешно поджал губы. Получилось так, словно вот-вот прыснет. И только из-за того, что уж слишком молод и жизнерадостен, а старается иметь деловой, «взрослый» вид.

Полковник взял бинокль и осмотрел местность. То же самое делаю и я. Вокруг руины. Много руин, зловещие развалины города. От «Красного Октября» сохранились лишь стены заводских корпусов, от «Баррикад» — тоже. Сейчас там гитлеровская передовая, три фашистские пехотные дивизии. Нас же совсем мало. Справа от Гуртьева — полковник Горохов, он командует группой, в которую вошли остатки полков разных соединений. Горохов сдерживает наступление немцев, стремящихся прорваться от поселка Рынок к Волге. Части Горохова воюют на заводской площадке Тракторного. Слева от нас дивизия, которой командует полковник Батюк, она атакует Мамаев курган. Полки дивизии, которой командует Людников, расположены вперемежку с нашими. Людников, если так допустимо выразиться, «подпирает» Гуртьева.

Полковник опустил бинокль и вздохнул.

— День будет ясный, солнечный, — ни к кому не обращаясь, проговорил он, еще раз вздохнул и, посмотрев на часы, добавил:

— Минут через двадцать прилетят гитлеровские самолеты; вчера они недобомбили Чамова, сегодня, вероятно, продолжат. Зафиксировать разворот, пункт, время, следить за интенсивностью, — последнее уже относилось непосредственно к наблюдателю.

— Есть! — бойко ответил тот.

Я осмотрелся. Над городом клубится дым. Он окутывает верхние этажи домов, ползет над развалинами, коптит небо.

Минут через тридцать слышится нарастающий гул. Вскоре в безоблачном небе чернеют бомбардировщики «Юнкерс-87», прозванные воющими. Под крыльями у них специальные приспособления, издающие страшный вой при пикировании. Впрочем, эти приспособления на нас не производят эффекта — привыкли. Кажется, что бомбардировщики плывут медленно и неторопливо. Вскоре весь воздух наполнился их зловещим прерывистым гудением.

Гуртьев уже не отрывается от бинокля.

— Семьдесят штук, — бросил он наблюдателю.

Долетев до стены завода, «юнкерсы» разворачиваются и переходят в пике. Зловещий рев, свист, шум, черные столбы дыма

взметаются к небу.

Так начался обычный боевой день дивизии. После бомбежки полковник приказал вызвать Чамова. Командир полка доложил: гитлеровцы сосредоточиваются в юго-западном углу завода. С минуты на минуту ждем атаки.

— Чамов — командир рассудительный, — с тихой гордостью проговорил Гуртьев и кивнул головой, словно ободряя своего собеседника. Он задумался и почти шепотом проговорил в трубку: — Ошибаетесь, не то, следите за соседом слева. Главное, оберегайте левый фланг. При всяком изменении обстановки докладывайте немедленно.

Вскоре выяснилось, полковник прав. Гитлеровцы атаковали подразделения дивизии генерала Людникова и были отброшены, но на полк, которым командовал Чамов, фашисты продолжали нажимать, они занимали здесь очень выгодные позиции. Противник просматривал расположение полка, а сам, скрываясь за развалинами заводской стены, оставался невидимым.

Как только бой на участке Людникова затих, комдив позвонил Кушнареву.

— Немедленно атаковать объект номер пять, овладеть им, закрепиться, — приказал он.

Под словом «объект» подразумевались цехи, дома и отдельные постройки, которым присваивался определенный номер на оперативной карте штаба дивизии, копии которой имелись в штабах полков.

Объект номер пять несколько раз переходил из рук в руки. Противник всячески пытался его удержать. Значит, раз новая атака, фашисты именно там сосредоточат силы.

— Сейчас противник отведет от вас примерна роту — две автоматчиков. Следите внимательно. Как только это произойдет, атакуйте объект номер три, закрепитесь на нем и доложите, — приказал полковник Чамову.

…Гитлеровские стратеги любили воевать строго по уставу, действовали они словно по расписанию: то наступали всем фронтом своих пятидесяти дивизий, то группами соединений, то частями; когда же первоначальный план захвата города сорвался, они чаще всего пускали в бой отдельные подразделения, сильно обрабатывая огнем артиллерии и бомбовыми ударами авиации перед атакой намеченный для наступления пункт.

Гуртьев успел хорошо изучить тактику врага и безошибочно определять его ближайшие планы. Разгадал он их и сейчас. К полудню Чамов доложил об исполнении приказа.

Вдруг на нашем участке началась бешеная стрельба. Это немцы нажимают на полк Кушнарева.

— Держитесь, майор! Немцы сейчас прекратят атаку. Не волнуйтесь, — говорит полковник.

И снова не ошибся. Противник перебрасывает силы к Чамову, а здесь успокаивается.

Ждем час, другой. Гитлеровцы вымотались, пехота уступила место артиллерии, та усердствует.

Медленно опускается ночь, теперь горящий город особенно страшен. Всюду языки пламени, всюду дым.

— Ну, капитан, можно и до дому, — говорит Гуртьев. — Вечером с левого берега пополнение должно прийти. Надо встретить.

«Пополнение» — какое громкое название. Кажется, вот выгрузятся из катеров несколько тысяч человек. Какое там! Придет сотня, и то отлично. Порой даже в голову закрадываются тревожные мысли. Неужто совсем обезлюдели?

В штольне застаем комиссара дивизии старшего батальонного комиссара Свирина, широкоскулого, добродушного силача, с крутым, удивительно крепким подбородком. Взгляд его тоже крепкий, волевой. Человек требовательный, но доброй души. Комдив и он понимают друг друга с полуслова, они сработались хорошо. Свирин прекрасно умеет помогать Гуртьеву, умеет завоевать любовь солдат.

— Где же пополнение? — спросил Гуртьев Свирина.

— На подходе, так доложили, а сегодня я не ездил на левый берег.

Полковник изучающе посмотрел на утомленное лицо собеседника и вдруг спросил:

— Опять в окопах ночевали?

— Ничего не поделаешь, — улыбнулся комиссар.

— И в контратаку ходили?

— Было.

— Эх, Афанасий Матвеевич, не бережете вы себя.

— А вы, Леонтий Николаевич? — ответил Свирин.

— Нет, я берегу, сегодня я, например, целый час спал. Глупо растрачивать последние силы.

…Наступала ночь. Холодело. С севера, из-за черных скелетов заводских корпусов, то и дело налетал неистовый ветер. Он гудел в остатках дымоходов разрушенных домов, со скрежетом рвал с крыш железо.

— Время подходящее, — заметил Гуртьев. — Когда фрицы улягутся, действуйте, капитан, и помните: «язык» необходим.

Описывать поиск подробно, пожалуй, не стоит. Тема не нова и не особенно интересна. Как всегда, обстреляли из пушек место нападения; как обычно, сильно шумела группа отвлечения, а

группа захвата — тройка моих друзей — действовала стремительно, в один бросок. Ахметдинов, Сахно и Чуднов выполнили задание.

Воспользовавшись давно облюбованным лазом среди развалин, они проползли так, что ни один камень не упал, ни один шорох не раздался. Потом вся тройка заползла в окопчик гитлеровского сторожевого охранения. Там всегда находились два солдата. Ахметдинов знал их прекрасно, недаром он с заводской стены не раз наблюдал за ними. Он знал, прийти им на помощь не успеют. Между ними и фашистской передовой — развалины, а потому действовать можно почти наверняка. Успех решила внезапность действий. Прежде чем враги опомнились, разведчики проникли в окопчик и вытащили оттуда огромного эсэсовца.

— Сопротивлялся сильно, и дрался, и кусался, — жаловался Ахметдинов, показывая рваную рану на руке.

— А фриц живой? — испуганно спросил я, глядя на лежащего на полу безжизненного эсэсовца.

— Живехонек, только перетрусил чуток, — улыбнулся разведчик, толкнув ногой гитлеровца.

Эсэсовец поднялся. Глядя на его испуганное лицо, я не испытывал ненависти. Скорее, родилось другое: жалость, смешанная с презрением. Смотрел я на белобрысого, упитанного верзилу и думал: ему тоже, вероятно, надоела война, сейчас, кроме страха за свое существование, в нем ничего нет. Даже не верилось, что подобный телок оказывал сопротивление. Человек, стоявший передо мной по команде «Смирно», тянулся в струнку, выражая лишь предельную угодливость. Мне думалось, прикажи ему стрелять по своим, ей-ей запалит.

И… презрение окончательно вытеснило жалость.

Допрашиваю. Пленный говорит охотно. Отвечает на все вопросы.

— В роте осталось лишь двадцать пять человек, да, потери большие, да, надоело, тянет домой. Впрочем, вам не удастся усидеть тут. В штабе полка поговаривали, вас завтра сбросят в Волгу. Сколько огневых точек? Дайте припомнить…

Припомнить — пожалуйста, а чтобы уточнить, предлагаю карту. Он искренне обрадовался. Смотрит, чертит ногтем схемы огневых позиций орудий и пулеметов и показывает положение рот. Перечисляет количество стволов и… видимо, не врет. А в заключение, словно оправдываясь, разводит руками: «Кто мог подумать, по Франции не столько шли, сколько ехали, по Греции — тоже, а вот вы…»

Не льстит, а просто констатирует прискорбное обстоятельство. Просто жалуется на судьбу. И становится ясно,

парень превратился в послушную машину, лишь недавно он кое-что начал соображать и сейчас чувствует себя одураченным. Отсюда и услужливая улыбка и угодничество перед новым хозяином. Хотя нет, кое-что старое еще сидит в эсэсовце, и крепко сидит.

— А все-таки не понимаю, зачем сопротивляетесь? Войну-то проиграли. — И трусливое выражение лица сменяется наглым, правда лишь на одно мгновение. Он снова трусит.

Но что за шум в коридоре? Возвратилась группа отвлечения. Оказывается, и они взяли «языка».

— Вернее, не взяли, сам взялся, — объясняет бравый сержант, командир отделения.

— Как сам?

— Да, именно сам, товарищ капитан. Мы шумим, стреляем, а он как из-под земли кричит: «Гитлер капут!», руками машет. Тут фриц минами нас накрыл, головы не поднять, а он ползет…

Маленький, небритый человек в ненавистного цвета мундире деловито кивает головой. Лицо его, как и одежда, серовато-зеленое, однако губы не дрожат, глаза смотрят прямо, пожалуй, приветливо.

Он говорит очень быстро, волнуясь, а рассказывает вполне правдоподобное. Был женат на еврейке, и с первых дней прихода к власти наци жизнь не жизнь. Марию взяли в концлагерь, детей в приют. Самому едва удалось откупиться. На фронте мечтал лишь о плене.

Возможно, и врет перебежчик, хотя вряд ли. В душе веришь ему.

Напрашивается вывод: Германий-то две, одна фашистская, другая мирная. Но сколько «чистых», а сколько «нечистых»?

Позже с пленным беседует начальник политотдела, а я возвращаюсь к себе. Сажусь за стол, собираюсь работать. Потом не помню, как это случилось. Открываю глаза — передо мной Гуртьев.

— Спите, спите, дорогой, — по-стариковски зябко ежась, сказал он. — По ошибке зашел, уверяю, по ошибке.

Знаем мы эти ошибки! Вскакиваю и уже до утра пишу разведсводку.

Чудная штука сон, всего лишь полчаса отдыха, а свеж.

…Утро 29 сентября серое, холодное, ветреное.

Исписав несколько листков, вышел из штольни и направился было на доклад к полковнику, но, к счастью, вовремя перехватил Аргунский.

— Владимир Евгеньевич, побрейтесь, а то… — он сделал выразительный жест.

Бритье. О нем я не забывал в штабе армии, здесь же… Впрочем, совет мудр. Припомнился и парикмахерски безукоризненный подбородок комдива, и подтянутость его измотанных бессонными ночами работников штаба. Нет, положительно в этом есть своя житейская мудрость. Чем хуже условия, тем жестче с ними борьба.

Побрившись, причесавшись, пришив белый подворотничок, вхожу в блиндаж командира дивизии. Там по-прежнему идет работа.

Вдруг с южной части завода доносится канонада. Полковник подошел к телефону.

— Алло, алло! Говорит «Накал». Противник открыл орудийный огонь, справа просачиваются автоматчики. Что? — в трубке молчание, связь прервана.

Вбегает старшина комендантской роты Комов.

— Автоматчики просочились к штабу, — докладывает он.

— Просочились? — переспрашивает Гуртьев. — А много их?

— Около роты. Наступают к штольне.

— Надо уничтожить. Ясно?

— Ясно. Уничтожим.

— Вы с третьим взводом наступаете, да смотрите же внимательнее…

— Разрешите доложить, товарищ полковник, в третьем взводе осталось четыре штыка.

— А разве я вас об этом спрашивал? — немного рассердился Гуртьев.

— Слушаюсь, не спрашивали.

— Наступаете с южного ската оврага в направлении юго-восточного угла завода. Справа — Чуднов. Сигнал — красная ракета. Противника разбить. Об исполнении донести.

— Слушаюсь, разбить и доложить.

— Чуднов! — вслед за этим вызвал комдив.

— Есть, товарищ полковник.

— Примите командование вторым взводом саперов вместо Ткачева, он чувствует себя неважно.

— Разрешите доложить, товарищ полковник, очень даже важно, — сильно хромая, подбегает лейтенант Ткачев, раненный во вчерашнем бою.

— Мне лучше знать, не мешайте. — И снова к Чуднову: — Понятно?

— Так точно. Виноват, товарищ полковник, там осталось всего два человека.

— А я разве просил вас подсчитывать? — и левая бровь полковника поднялась кверху.

— Есть, не просили подсчитывать.

— Повторяю: примите командование вторым взводом. Задача — уничтожить прорвавшегося противника.

— Есть, уничтожить прорвавшихся.

— Наступление по сигналу красной ракеты. Используйте элемент внезапности. Действуйте решительнее.

— Останетесь здесь с оперативным дежурным и пятью автоматчиками… Держите связь с частями… — обратился комдив к начальнику штаба дивизии полковнику Тарасову. — Надо продержаться во что бы то ни стало! — Затем спокойно, тоном, не допускающим возражений: — Я с личным составом штаба атакую в районе объекта номер шесть.

Они оба склонились над картой, испещренной пометками и записями. Через десять — пятнадцать минут, вооруженные автоматами, пулеметами, противотанковыми ружьями и гранатами, офицеры штаба занимали оборону вокруг КП дивизии. Полковник Гуртьев лично руководил боем. Он был, как всегда, спокоен, и спокойствие комдива передавалось окружающим.

— Капитан, — раздался за моей спиной его голос, — передать противотанковое ружье майору Чернову. А вам быть в моем резерве.

— Плохо окопались, лейтенант, углубить, — поправил он другого командира, а затем обратился к младшему лейтенанту, залегшему тут же: — Ну как?

— Хорошо, замечательно! — лихо ответил тот, устраиваясь в своей ячейке.

— Неправда, хорошего мало, зря хорохориться не следует.

Немцы продолжали обстрел. Под их прикрытием наступали автоматчики. Вот они совсем близко. Слышатся крики:

— Рус!.. Шнель Вольга, рус, буль-буль…

Вдруг взвилась в небо красная ракета.

Комов, Чуднов и мы с разных сторон бросились в атаку. Может возникнуть законный вопрос: а не слишком ли незначительны были наши силы? Но в боевых условиях тех дней горстка храбрецов могла сделать многое.

Гуртьев хорошо расставил силы, и потому «взводы» Комова и Чуднова отразили атаки противника, а затем отогнали его.

Комдив вернулся на КП. Его глаза задорно, по-юношески блестели.

У входа ему попался комсорг штаба Чибирев.

— Вы уставы знаете, товарищ старший лейтенант? — спросил его комдив.

— Так точно, товарищ полковник, — не задумываясь, отчеканил тот.

— Тогда ответьте, по какому праву младший командир должен в атаке мешать своему старшему начальнику, например мне, загораживая его своим телом, где, в каком пункте устава это записано?

— Нигде не записано, товарищ полковник.

— Так почему же вы… — начал Гуртьев и, не выдержав напускной серьезности, усмехнулся: — Молодец! Ну и бесстрашный же ты!

Старший лейтенант беспомощно заморгал глазами и стремительно выбежал из блиндажа. Полковник взглянул на часы:

— А теперь, я думаю, можно и позавтракать.

Часы показывали 14.00. Значит, немногим больше полутора суток прошло с тех пор, как я впервые переступил порог штольни, а событий сколько, и каких событий!

…Но расскажем о дивизии. Формировалась она в Омске и состояла почти сплошь из сибиряков. Ее обучал сам Гуртьев, а это что-нибудь да значит.

Хорошо зная, что чем тяжелее боевая подготовка, тем легче бой, комдив долго и настойчиво обучал своих солдат. В лагере под Омском в дивизии Гуртьева служить было так же трудно, как на фронте. Ночи не проходило без тревог, внезапных маршей и сложных утомительных учений. Зато в бой дивизия прибыла закаленной, в бой под Сталинград…

Едва она окопалась, ее стали штурмовать. Порой весь день над передовой висели «юнкерсы», а бомбы сотнями падали в окопы. Жестокие артиллерийские налеты сменяли друг друга. Потери росли. Собственно говоря, уже в первые дни полки лишились больше половины своего личного состава.

Я прибыл в дивизию 28 сентября 1942 года и пробыл в ней почти до конца битвы.

КОРОБКА ПАПИРОС

Наша жизнь имела свой быт, и, кстати сказать, довольно прочно установившийся. Я к нему привык сразу и незаметно для себя смирился с трудностями. Смирился потому, что размышлять что к чему времени не хватало. Встав задолго до рассвета, приведя себя в порядок, я погружался в деловую работу штаба дивизии, которая продолжалась до, глубокой ночи. На сон оставалось два — три часа. Работа то и дело прерывалась поручениями, не имеющими отношения к моим, непосредственным обязанностям. Чуть ли не по десять раз в день комдив то посылал проследить за переправой, то в один из полков, то поручал принять пополнение. Все эти задания считались, относительно безопасными, но слово «безопасность» совершенно неприменимо для тогдашних условий. Стали и огня хватало всюду, и путь к дивизионной кухне оказывался не менее рискованным, чем передовая. Расскажу об одном эпизоде. Однажды, например, противник сильно обстреливал пути к заводу. По дороге ходило немало бойцов, и многие из них гибли. Так как под рукой санитаров не оказалось, Гуртьев поручил мне взять разведчиков и заняться эвакуацией раненых. Вышли. Шагов через десять одного из моих ранило. Я с двумя залег, а остальным приказал отнести пострадавшего. Те через четверть часа вернулись. Снова продвинулись немного, и еще один выбыл из строя. Опять приказал отнести. Пока поджидал их, лежащий рядом со мной разведчик был ранен осколком снаряда в голову. Тащу его обратно, и вдруг у входа в штольню — Гуртьев.

— Молодец, — похвалил он меня, — многих вынесли?

Комплимент не понравился. Шутка ли, потерять сразу, так, ни за что ни про что, столько товарищей!

— Никого не вынесли, своих трех ранило, товарищ полковник.

Комдив понял, нахмурился и бросил:

— Отставить, возвращайтесь к себе, — а затем угрюмо: — Работаете на своем сырье.

Впрочем, в этих условиях самым мучительным являлись не подобные боевые эпизоды, а будничный, повседневный труд: выполнение своих непосредственных обязанностей. Самым тяжелым оказалось сесть за стол, взять в руки перо и корпеть над разведдонесением или планом предстоящего поиска. Тут сразу наваливалось всесокрушающее утомление, и голова деревенела. Хотелось спать. Так, словно лучше сна в жизни ничего нет. О постели, и притом настоящей, с чистыми простынями, я мечтал с

наслаждением. Словом, чуть попадал в блиндаж, глаза смыкались, голова тупела. Под огнем такого не случалось. Под огнем нервы натянуты как струны, а мысли носятся как бешеные; сейчас же разрядка. Помню, однажды, чтобы не заснуть, напился черного-пречерного чая, такого, что язык стал горьким. И действительно, за ночь ни на минуту не закрыл глаза, а работал едва-едва, голова не варила. А между тем обязана была варить. Штаб — мозг дивизии.

И невольно рождалась зависть к фронтовым и армейским товарищам, имевшим хоть незначительное право на отдых.

Однако наш штаб действовал неплохо. Начальник связи, например, творил чудеса, молниеносно организуя исправления линии, маскируя провода.

Но вернемся к разведывательным делам. По сообщению пленных, в тылах их подразделений появились танки. Это настораживало. По сведениям, полученным из штаба армии, знал, что против нас стоят три немецкие пехотные дивизии, три артполка, один минометный, и, кажется, все, о танках армия ничего не сообщала. Позвонил в армейский разведотдел. Проверил еще раз, танков нет. Значит, лично мне необходимо срочно проверить показания пленных.

Заглянул в блиндаж к разведчикам, те встретили как старого знакомого. Фронт сближает, невольно торопишься полюбить понравившегося тебе человека, ибо кто знает, что завтра с ним случится.

Хозяева блиндажа угощали. А чем принять — у разведчиков всегда есть. На столе появились трофейные неаполитанские сардины и швейцарский шоколад.

Но мне было не до еды, я заговорил о танках. Ребята покачали головами: не слышно, мол, как будто. Вдруг поднимается Ахметдинов и протягивает мне коробку папирос «Казбек». Отказываюсь. На войне тянуло к тому, что покрепче, к махорке, но он упрямо сует свою коробку. Пришлось взять, открыть. Смотрю — внутри ничего. Удивился. А татарин загадочно улыбнулся и рассказал.

Полоса нашей дивизии была в два километра. Передовая тянулась то по обрыву, то по руинам цехов завода «Баррикады». Там один объект одинаково интересовал и нас, и немцев: большой дом, стоящий буквой «Г». Здание выдвинулось углом на позиции противника и для обеих сторон являлось непревзойденным наблюдательным пунктом. Гитлеровцы могли оттуда наблюдать за нами. Вот и претерпевал бесконечные неприятности многострадальный дом. То мы его захватывали, то немцы. И конечно, в основном в нем хозяйничали разведчики.

Особенно часто сюда пробирался Ахметдинов. Этот вчерашний сапожник, мастер модельной обуви, превратился в настоящего Шерлока Холмса. Ни одна мелочь не ускользала от него. Попадая в Г-образный дом, он тщательно осматривал комнаты, подбирая каждую мелочь: пустую банку консервов, номер фашистской газеты и пистолетную гильзу. Все свои находки он приносил в штаб, а там делали выводы. Но в течение последних дней ничего нового обнаружить не удавалось. Брошенное вчера ничем не отличалось от брошенного сегодня. И вдруг два дня подряд — коробки папирос «Казбек». Значит, среди вражеских наблюдателей появился некто, вероятно офицер: вряд ли простой солдат достанет большое количество папирос, да еще русских.

Каюсь, вначале я не придал особого внимания находке. Потом почему-то подумалось, а что, если «Казбек» имеет отношение к танкам? Логически трудно установить какую-нибудь взаимосвязь, но… Перед глазами торчал танкист-наблюдатель с коробкой «Казбека» в руках, изучающий с крыши Г-образного дома нашу передовую.

Однако не напишешь же о таких предположениях в штаб армии, не доложишь комдиву, и… я молчал.

На следующее утро произошел эпизод, случайный, неприятный, следствием которого у меня был продолжительный разговор с Гуртьевым.

Начсвязи и я жили вместе. Выспавшись, мы сели обедать, иначе потом не успеешь. Нам принесли щи, а старшина налил в кружки водку. Вдруг — комдив. Полковник посмотрел на щи, приказал вызвать повара.

— Почему для меня варят особо? — строго спросил он.

Повар замялся. Это был пожилой старший сержант с деловитым усатым лицом. Усы придавали ему своеобразную старомодность, словно их владелец выполз из дореволюционного мира, известного больше по картинам. Старший сержант недавно кормил Гуртьева, а потому не знал его привычек.

— Да как же иначе, товарищ полковник, — наконец пробасил он, — куренком весь штаб не прокормишь. Так что уж извините, может, оплошал, но…

Комдив нахмурился:

— Александр Македонский в коммунистической партии не состоял, но, когда в пустыне ему кто-то принес воды, он вылил эту воду. И поступил мудро: начальник должен разделять трудности с солдатами, так-то, старший сержант.

Усач покраснел.

— Можете идти, товарищ старший сержант, — сказал ему полковник, а когда повар ушел, с волнением в голосе заговорил:

— Конечно, это мелочь, но в сталинградских нечеловеческих условиях мы должны быть аскетами, рыцарями без страха и упрека. Мы должны быть счастливы почетной миссией, которую возложила на нас история. — Гуртьев продолжал: — Да, трудности огромные, но впоследствии мы всю жизнь будем вспоминать каждую прожитую в этом пекле минуту. Мы совершаем великий коллективный подвиг. Будь моя власть, я каждому бойцу присвоил бы звание Героя Советского Союза. Понимаете — каждому! Трус здесь не выдержит ни минуты.

Говорил он негромко, проникновенно, душу захватывало. Вдруг полковник увидел бутылку с водкой.

— Пьете? — уже сурово спросил он и, не дожидаясь ответа: — Нехорошо. Если в окопах боец получает свои, положенные по приказу, сто граммов — одно, водка придает ему силы, взбадривает. Она — лекарство для изможденного человека. Но штабным офицерам пить нельзя. Я знаю, валитесь с ног, а голова ваша должна оставаться свежей. Нельзя, товарищи, нельзя…

Мы молчали, нечего было возразить.

— Не будем больше пить, товарищ полковник, — пообещал пришедший к нам обедать дивизионный инженер.

— И хорошо сделаете, — улыбнулся Гуртьев, затем, обращаясь ко мне: — А у вас что нового?

«Что? Да ничего нового», — тянуло сказать. Тут вспомнилась коробка «Казбека»… Впрочем, удобно ли докладывать о такой мелочи? А разве в нашем деле не играет роль любая мелочь? И я рассказал о находке. Гуртьев задумался.

— Вы говорите, такой коробки раньше не находили? Значит, на немецком НП появился новый посетитель. Кто — не знаем. Пойдем ко мне.

Уже в своем блиндаже полковник долго беседовал со мной и Ахметдиновым. Разведчика он расспрашивал тщательно, интересуясь всем, что удалось подобрать в Г-образном доме. Ахметдинов объяснил, что если делать выводы на основании оставленных немцами окурков и пустых папиросных коробок, то на наблюдательном пункте бывало не больше трех — четырех человек.

— Вот что, — сказал комдив, — сегодня ночью накройте фашистских наблюдателей. Устройте в Г-образном доме засаду и снимите их. Ясно?

— Ясно, накрыть наблюдателей, — машинально повторил я.

Позже у себя в блиндаже я разработал план поиска. Простой план. Ахметдинов с пятью бойцами проникают в дом и, спрятавшись, ждут гостей.

Но удастся ли спрятаться? Понадобилось проверить вопрос на

месте. Здание, о котором шла речь, утром попало в наши руки. После долгого путешествия добрались до цели. Ахметдинов настолько хорошо изучил все подходы, что чертовски рискованный для непосвященных путь оказался почти безопасным. Мы петляли среди руин, укрывались в воронках, оставленных фугасками. Вообще говоря, пройти следовало километра полтора, а мы прошли не меньше пяти, затратив на это больше двух часов. В Г-образном доме мы застали небольшое сторожевое охранение, состоящее из пяти автоматчиков.

Командир отделения, сержант-грузин, докладывает: все спокойно. Гитлеровцы бомбили соседа. Уловка противника разгадывалась. Раз шумят на стороне, а здесь тихо, значит, готовится очередная пакость.

— Будьте настороже, — предупредил я сержанта, а затем мы стали исследовать здание, или, вернее, его половину, так как один из углов дома был поразительно аккуратно сбрит фугаской, сохранившаяся часть была более или менее целой. В части квартир сохранилась даже мебель. Мебель особенная, ее обивку не разглядишь: всюду на несколько сантиметров слой сероватой пыли. На одной из стен обратил на себя внимание портрет женщины с хорошо знакомым лицом. Знакомым, вероятно, потому, что и улыбка, и выражение глаз добрые, приветливые, материнские. Такая и детей хорошо воспитает, и о муже позаботится.

Но чем больше ходишь по остаткам квартир, тем больше понимаешь, тут не спрячешься. Немцы не дураки, наверняка все обшарят.

Спускаемся в подвал, холодный, длинный. Из черной норы веет сыростью и острыми гнилыми запахами. Чем дальше, тем больше. Передвигаемся быстро, но держим автоматы наготове. Кто знает, может, и нам готовят западню. Под первым подвалом — второй, или, вернее, провал. Осторожно проникаем и туда. Снова каменные норы. Мой трофейный электродинамический фонарь издает «жиг, жиг», словно ругаясь на своем металлическом языке.

— Здесь, — советует Ахметдинов, указывая на узкий, уходящий в сторону немцев коридор.

Исследуем коридор до конца, а дойдя до угрюмого тупика, вздыхаем с облегчением. Да, конечно, здесь. Однако каково сидеть в такой могиле разведчикам? Если немцы пожалуют сюда — смерть. Отойти некуда.

— Ничего, — угадывает мою мысль Ахметдинов, — завалим кирпичами вход, йе заметят.

Это не успокаивает, однако лучшего ничего не придумаешь.

— Прячьтесь здесь, а в двадцать четыре ноль-ноль начинайте, — приказываю.

Теперь остается решить не менее важное: как обеспечить выход из тайника и отход разведчиков после захвата пленных. Тщательно обследуем все сначала. Распределяем задачи по захвату. И уже наверху изучаем вражескую передовую. Впереди — руины стен и заводских цехов, железобетонные глыбы, похожие на чудовищных размеров льдины. Все светло-серого цвета. Дальше на юго-запад — макушка Мамаева кургана, над которой то и дело взлетают фонтаны огня и земли от падающих снарядов. Обстрел фашистских укреплений продолжается. Бьют наши из-за Волги. В ответ скрипит шестиствольный миномет…

К нашей компании присоединяется артиллерист, корректирующий стрельбу. Он что-то кричит в трубку полевого телефона, и почти через минуту начинается обстрел. Наша артиллерия пытается нащупать миномет. Впрочем, я не для того приполз сюда, чтобы интересоваться такой дуэлью. И я ухожу назад.

В штольне короткий торопливый разговор с Гуртьевым.

Полковник выслушал внимательно, а в конце доклада улыбнулся и тихо сказал: «Пойдите помойтесь, у вас и глаз не видно».

Упрек вполне заслуженный. В своем блиндаже смотрюсь в зеркало. Ну и вид! Как у трубочиста, правда, с теми коррективами, что на лице не сажа, а противная серо-коричневая пыль.

Моюсь и иду к разведчикам. Совещаюсь с группой захвата и с группой отвлечения. Особенно с первой. Ведь ее положение рискованное. Разговариваю и думаю: «А план-то мой не железный. Тысячи неожиданностей, которых не предугадать. Человек, оказавшись в бою, не станет слепо следовать инструкции».

Наконец совещание окончено. Крепко пожимаю руку разведчикам и чувствую себя виноватым. Мое-то место в тылу.

Вернулся к себе. Лег на холодные — как мне казалось, удивительно мягкие — доски нар. Впереди трудное дело, хотя бы полчаса отдохнуть. Однако не успел закрыть глаза, зовут:

— НО-2, к командиру дивизии.

Это меня. На фронтовом языке я не Владимир Евгеньевич Ленчевский, а НО-2, начальник второго отделения штаба дивизии. Так меня называют при исполнении служебных обязанностей. И очень хорошо, что так называют. Владимир Евгеньевич смертен, а НО-2 бессмертен. Исчезнет один, его сменит другой, и глаза дивизии будут смотреть.

Быстро вскакиваю. Усталости как не бывало. Минута отдыха несколько восстановила силы. У Гуртьева сидит начпрод.

— Чем снабдили разведчиков? — спрашивает командир дивизии.

Я не понимаю вопроса. У них как будто есть и автоматы, и диски.

— Всем, товарищ полковник, — отвечаю.

Комдив хмурится:

— А едой снабдили? Что они взяли с собой?

Невольно краснею. Забыл.

— Я приказал начальнику продовольственно-фуражного снабжения выдать им колбасы и консервы. Немедленно доставьте все это на место, — приказывает полковник.

Майор, начпрод, дает мне большой пакет.

— Сейчас отнесу, — отвечаю, но Гуртьев еще больше хмурится.

— Глупости, — бросает он. — Поручите связному.

И невольно поражаешься, как это полковник успевает все время учить меня, думать за меня. Порой верится, разведчики в центре внимания комдива, кроме нас, он никем не интересуется. Впоследствии не раз командиры полков и начальники отделений штаба дивизии думали подобное. Им тоже казалось, что Гуртьев только ими, только их работой и интересуется, что лишь они в центре его внимания.

Возвращаюсь в штольню и неожиданно замечаю: уже сумерки, а раз так, пора спешить на передовую.

Снова долгий путь к переднему краю. КП комбата находится в подвале полуразрушенного дома. Оборудован он неплохо. В углу — кровать с пружинным матрасом, стол, стулья. Дивишься и мысленно хвалишь горбоносого хозяина. Он умно поступает, стараясь обосноваться с комфортом. Тут привлекают внимание фотографии каких-то ребятишек на стенах. Неужели его дети?

Перехватив мой взгляд, капитан ласково улыбнулся:

— Наверху взял. Смотришь на личики этих ребят и согреваешься. У меня ведь в Казани свои остались.

— Верно, верно, капитан. Легче на душе, когда видишь веселенькие детские мордашки.

Объясняю задачу. Капитан хмурится.

— Значит, уступить дом, но так, чтобы через час отбить, — ворчит он.

Нетрудно понять его досаду. Вчера брали, а сегодня отдавать.

— А когда отойдете, не давайте ни минуты покоя.

Он снова хмурится. Легко мне командовать, а ему мой поиск стоит людей, боевых товарищей.

По-мышиному тонко, но пронзительно зуммерит телефон. Комбат резко берет трубку.

— Что атакуют? — хриплым, сердитым голосом спрашивает он. — Кого? Гогоберидзе? Вот беда, — и злобно: — Отходите, немедленно отходите. Постреляйте и возвращайтесь во вчерашние окопы.

— Немцы нажимают на Г-образный дом, — поясняет он.

— И прекрасно, — вырвалось у меня.

— Нечего сказать — «прекрасно». Гогоберидзе убит! — кричит комбат, негодующе глядя на меня.

Гогоберидзе… Перед глазами возникает знакомый сержант-кавказец, но лица его уже не помню. И становится стыдно, как это я забыл.

— Но мы бы так не сдали домину, — продолжал комбат.

В голосе его звучит укоризна: знаем, мол, ваши штабные штучки. Впрочем, он ведет себя как гостеприимный хозяин. Приказывает подать ужин, и, конечно, с водкой. Очень хочется выпить — весть о смерти Гогоберидзе тяжело легла на душу.

— Помянем покойника, — говорит комбат, разливая водку.

Я отказался. Мой хозяин мрачнеет. Думает, верно, рисуюсь. Мрачнеет, но и сам не пьет. Ужинаем молча и расходимся. Я на наблюдательный пункт, он в роты.

На НП начальник штаба полка капитан Дятленко спорит с командиром из артиллерийского полка. Дятленко просит дать огонька, артиллерист отказывается, уверяя, что уже истрачен один боекомплект, надо беречь снаряды: когда подвезут новые через Волгу — неведомо, а так можно и ни с чем остаться. Я вмешиваюсь, и это решает спор в пользу начальника штаба. Артиллерист сердито кричит по телефону. Как рачительный хозяйственник, он бережет каждый снаряд, зная, что огонек всегда пригодится, а пехотинцев считает страшными транжирами.

Вот заговорила наша артиллерия, и стала легче. Словно близкий друг к тебе подошел на помощь.

С удовольствием вслушиваюсь в четкие, хорошо согласованные залпы.

— Молодцы, — хвалит капитан Дятленко.

Командир-артиллерист польщен, но все еще дуется:

— Целый боевой комплект можно эдак выбухать, не следовало бы, не следовало!

Артиллерийская дуэль вступает в свои права. Уже заговорили немцы. Снаряды ложатся почти у самого НП.

Начальник штаба приник к телефону. Дятленко в восторге. Здорово повезло. Артиллерийский налет помогает решить кучу неотложных, давно задуманных задач. Он приказывает второму

батальону отбить лишний десяток метров, территории завода. Капитан на кого-то кричит, кому-то доказывает. Бесконечно пищит телефон.

«Левый сын» — так на фронтовом языке назван второй батальон — продвинулся, и начштаба идет туда.

«И отлично, что продвинулся», — решаю я. Теперь немцам в Г-образном доме не до осмотра помещения. Наблюдатели их наверняка торопятся. Раз наши атакуют соседа, значит, могут и тут наступать. Сижу в блиндаже и представляю себе, как крадутся мои разведчики из подземелья, как они выползают из колодца. Впрочем, ловлю себя на мысли, еще рано, часы показывают лишь 23 часа 30 минут.

— Может, хватит, — умоляет артиллерист. Он в уме подсчитал все выпущенные снаряды, подвел итоги и злится.

— Еще минуту, — теперь уже умоляю я и говорю это ему каким-то извиняющимся тоном.

— Минуту, — вздыхает артиллерист. — В минуту сколько выпущено будет снарядов. — И он, вероятно, снова сердито подсчитывает и подсчитывает.

А я думаю об Ахметдинове. Сейчас этот татарин мне дороже всех в мире.

Вдруг грохот. Вернее, даже не грохот, а словно что-то черное упало на землю. Страшное, ни с чем не сравнимое. Смерть? Нет, что-то похуже. Падаю, и чудится — конец. Становится очень холодно. А тело обдувает горячий песчаный вихрь. Первое, что приходит в голову, — жив. Необычайно радостно это открытие. Стараюсь угадать, что случилось. Встаю не сразу и робко. В душе отвратительный, спирающий дыхание ужас. Затем радость, буйная, почти ребячья. Даже и не ранен. А вокруг все разворочено. Теперь уже не думаешь о себе. Рядом хрипит командир-артиллерист. Застонал и кто-то еще… Я пытаюсь помочь, но боюсь неумелыми руками причинить боль.

Минута-другая удивительной суеты, и все становится на свое место. Какие-то ловкие, внезапно появившиеся откуда-то санитары уносит раненых. Связисты деловито чинят поврежденную линию. Еще немного, и зуммерит телефон. Спрашивает Гуртьев, вездесущий комдив узнал о нашем несчастье. Мне нехорошо: спина потная и руки дрожат. Впрочем, голос Гуртьева успокаивает.

Но здесь нельзя оставаться. Мы переходим в соседние развалины. Не идем, а крадемся. Над головой светло — ракеты. Проклятые ракеты!

Близко стрельба. Несильная, но частая, значит, батальон атакует. Смотрю на часы — 24.00. Тут вспоминаю, наступило

время встречи с разведчиками.

И снова вражеский налет. Падаю, встаю, снова падаю, снова бегу. Страх заменила досада — фрицы мешают добраться. Я сержусь, именно сержусь, потому что мне препятствуют продвигаться вперед. Внезапно гитлеровцы умолкают. Почему? Их накрыла действующая с левого берега артиллерия и «катюши». Наши любимые «катюши»! Артиллерия с левого берега! Если б не она, нам бы не удержаться здесь. Сколько раз мы благодарили этих умных наводчиков, которые из-за Волги помогали нам.

Наконец белый, особенно белый при свете ракет, домик, у которого назначена встреча с разведчиками. Домик цел, он поэтому и бросается в глаза. И вдруг я вижу Ахметдинова, ползущего с вражеской стороны, за ним еще двоих. Я подбегаю, мы падаем в какой-то ров, там можно и поговорить.

— Неудача, — шепчет старший сержант, — напали, а они — стрелять. Сопротивлялись, ни одного живого не взяли.

Неудача. Значит, усилия напрасны. И вспомнился убитый артиллерист, недовольный, что слишком щедро стрелял. Вот бы он сейчас ругался…

Медленно, теперь уже без особых предосторожностей спускаемся вниз. С Волги дует. На нам не до этого, не до личных переживаний. Состояние угнетенное. Стараемся продумать, как следовало поступить. Вина-то моя. Неверно расставил силы. Может, людей мало? Командир всегда виноват.

Перед докладом Гуртьеву расспрашиваю участников поиска. В блиндаже разведчиков уныло коптит светильник в гильзе. Ребята не спят. Вероятно, угадали по нашим лицам о неудаче и молчат, но молчат особенно угрюмо. А я снова переживаю свою вину.

Ахметдинов рассказывает, как выползали из колодца, как поднимались по этажам, как сбросили в лестничную клетку зазевавшегося автоматчика, как дрались в комнате и, наконец…

— Я взял у убитых фрицев солдатские книжки, вот, — и кладет на стол несколько длинных картонных тетрадок — удостоверений.

Разворачиваю одну, читаю фамилию обер-фельдфебеля пехоты, в другой — фамилию солдата, в третьей — тоже солдата, и вдруг… Затянутый в кожаный футляр офицерский документ, я едва не вскрикиваю: удостоверение офицера-танкиста Пауля Егера. На НП сидел фашистский разведчик, танкист. Мои уже догадались: дело успешное, а я бегу к Гуртьеву. Трудно передать мое ликование. Значит, жертвы не напрасны. Поиск оправдал себя. Командир дивизии слушает внимательно. Лицо у него сейчас очень сосредоточенное.

— Так, так, — констатирует он, — наши подозрения верны, — и удовлетворенно улыбнулся.

Гуртьев своеобразный комдив. Он много берет на себя. Он любит многое делать сам, но в штабную работу полковник не вмешивается.

В блиндаже начальника штаба мы обсудили план, как уточнить данные разведки, как разгадать замысел врага.

…Настала ночь. Какая по счету, не помню. Сутки слились друг с другом. Они терялись, сдваивались, полные утомления и тревог.

Я работал. Вопрос, который меня тревожил, дергал нервы, не находилось ответа. А разведчик не имеет права попадать в тупик. Между тем как объяснить загадку? Против нас уже который день находится некий таинственный запасный батальон. Он вступил в бой с первых же дней. Мой предшественник подробно о нем докладывал. Озадачивало одно: почему запасный батальон будто бессмертный? Меняются полки, дивизии, а ему хоть бы что.

Но как ответить на вопрос, раз нет пленных! Их становится брать все труднее и труднее. И вот пытаюсь поговорить с мертвыми. Читатель, наверное, подумает: игра в метафизику. Спятил, окончательно спятил капитан в норе гуртьевской штольни!

Нет, не спятил, но мертвых я заговорить заставил. В остальном помогли бойцы. Начальник разведотдела армии подсказал мне верное решение вопроса, сам бы я ни за что не додумался. Сибиряки нашей дивизии умные, понимающие ребята. Они охотятся за врагами по-таежному и, когда не удается захватить живьем фашистского зверя, отбирают у убитых документы. Их письма и солдатские книжки несут ко мне. Они тоже могут объяснить многое. Письма убитых рассказывают не только о настроениях солдат противника, не только о их личных делах, но и дают сведения тактического характера. Прочитываю одно письмо за другим и стараюсь ориентироваться в обстановке.

Вот наследство ефрейтора Ганса Коха. Кох — статный, красивый мужчина с умным продолговатым лицом, таков он на семейном фотоснимке, найденном в бумажнике. Он нижний чин таинственного запасного батальона. Но дело не во внешности, а в его письмах. В них много личного, интимного, много даже законной тоски по жене, детям, родному дому. Затем — типичная для солдат 6-й армии воинственная истерия, обещание штурмовать… Сибирь. Но это в первом письме, во втором, тоже неотправленном, уже другая песня, в нем жалобы на трудности жизни, вздохи и сетования в ужасно безводной степи. Степи, где негде напиться, не из чего развести костер.

Ого! У нас в Сталинграде как будто подобной пустыней не пахнет. Быстро переворачиваю страницу, чтобы узнать, когда датировано письмо, — совсем недавно. Убитый гитлеровец его написал лишь три дня назад.

Читаю письмо другого солдата, свежее письмо, и в нем снова степь. Вывод напрашивается сам собой. Часть батальона воевала где-нибудь под Котлубанью и ее только что перебросили сюда. Напрашивается и другой вывод. Запасный батальон — фикция, маневренная группа. Может, в него целую дивизию спрятали хитрые фашистские стратеги. Читаю следующее письмо — то же самое. Даже руки дрожат. Наконец открыты тайны пресловутого запасного батальона! Значит, проговорились мертвецы. Отлично!

Наверху бомбят. Настойчивый прерывистый гул долетел даже сюда. Временами земля дрожит от близких разрывов.

Вдруг — оглушительный треск и темнота. Взрывной волной опрокинуло гильзы. Штольня наполняется пылью, едкой, противной, заползающей в горло, в легкие. И сразу мысль: обвалился потолок. В коридоре суматоха, кто-то бегает, кто-то кричит.

— Засыпало! — раздается голос.

Да, это страшно. К такому мы не привыкли. Воевать — одно, а вот вдруг очутиться живым в могиле — другое. И люди, не боящиеся никакого черта, бледнеют. Начинается паника. Я сам чувствую, как холодный, отвратительный пот ползет по спине. Хочется бежать, но куда? Вокруг темнота и много песка, который сыплется с потолка.

— Прошу товарищей не сходить с мест. Спокойствие! Ждите моих указаний.

Это сказал Гуртьев. И — суматоха стихает.

— Товарищ полковник, разрешите приступить к самооткапыванию! — доносится голос командира взвода связи Хамицкого.

— А чем?

— Руками.

— Отставить. Кустарщина, — решает командир дивизии. — Откопают нас.

Он говорит так спокойно, что становится неловко за собственные тревоги. Конечно, откопают. Вот еще, нашел из-за чего впадать в панику. Очень стыдно!

Действительно, вскоре из соседнего блиндажа донеслись стуки ударов киркой. Еще несколько минут, и чувствуем волну свежего воздуха.

— Живы? — доносится вопрос оттуда, с «воли».

— Конечно, — за всех отвечает Гуртьев.

Зажгли свет. Потянулись к месту, где землю пробила бомба. Она разорвалась против блиндажа командира дивизии. Там все раскидано — карты, табуретки, книги.

Гуртьев улыбается, но его левая рука повисла как плеть. Лицо покрылось мелкими кровоточащими ранками. Врач кидается к полковнику.

— Займитесь более тяжелыми, я потом, — приказывает Гуртьев.

И это не рисовка, это строгий приказ, которого нельзя ослушаться, и врач подчиняется. Лишь после он оказывает комдиву медицинскую помощь. Еще полчаса, и штаб работает по-старому: снова зуммерит телефон, снова бегают по штольне связные, снова жизнь входит в свою колею.

Я позволю себе сделать небольшое отступление, рассказать еще об одном подобном эпизоде.

В конце сентября КП полка майора Кушнарева был атакован двумя батальонами гитлеровцев. Фашисты прорвались внезапно. Впрочем, сделать это было не так уж трудно. КП находился вблизи переднего края, а передний край охраняло совсем небольшое число защитников. В КП в эту минуту находился сам Кушнарев, его начальник штаба капитан Дятленко и человек двадцать пять бойцов и командиров. Они имели два станковых, три ручных пулемета и автоматы.

Начался неравный бой. Гитлеровцы наседали. Атака следовала за атакой, но победить они не могли. После каждой атаки на месте схватки оставались десятки трупов убитых фашистов. Ночью Кушнарев и Дятленко во главе своих бойцов сделали попытку вырваться из окружения, но из этого ничего не вышло.

Что делать? Завтра противник подтянет танки.

Выручил помощник начальника штаба полка по разведке старший лейтенант Афиногенов. КП размещался в одном из заводских цехов. Обследовав помещение, Афиногенов обнаружил туннель, уходивший к нашей передовой. Времени исследовать туннель не было. Решили рискнуть.

— Ну что ж, Афиногенов, попытаем счастье, под землей не страшнее, чем на земле, — сказал майор и приказал спускаться в темную бетонированную трубу, в которую с трудом могло протиснуться два идущих рядом человека.

Необычайное путешествие началось. Оно продолжалось недолго. Шагов через пятьсот туннель кончался. Впереди был завал, сделанный упавшей в этом месте фугаской.

Что делать? Вернуться?

— Раскопать, — приказал идущий впереди Кушнарев.

Выполнить приказ оказалось очень трудно. Ни у кого не было лопат. Копали ножами. Дело двигалось медленно. Миновал час, затем другой.

Внезапно раздались выстрелы.

— Немцы, — подойдя к Дятленко, сообщил Афиногенов.

— Уничтожить, — ответил начальник штаба.

В черной бетонированной норе завязался бой. Первая группа гитлеровцев была истреблена. Вскоре подошла другая. Фашисты наседали, но советским воинам повезло. Туннель шел зигзагами. Простреливать его оказалось невозможным. Немцы продолжали свои атаки, но защитники туннеля их отражали.

— Сдавайтесь, вы погибли! — кричали немцы, но в ответ получали лишь пули.

Тогда гитлеровцы поставили перед входом в туннель танк. Под землю полетели снаряды.

Убедившись, что танк ничего не может сделать, немцы положили взрывчатку и завалили вход в туннель. Но если фашисты оставили советских солдат в покое, то у них появился не менее страшный враг: воздуха не хватало, люди начали задыхаться. Кое-кто терял сознание, но работа по раскопке продолжалась.

Сутки сменились другими, воздуха стало еще меньше. Люди выбивались из сил.

На третьи сутки парторг полка Кошкарев прошептал:

— Товарищи, смотрите, свет!

И правда, впереди виднелось небольшое отверстие. Свежий воздух! С каким восторгом вдыхали его изможденные люди! Еще час напряженных усилий — и небольшой лаз сделан. Двинулись дальше. Дошли до места, где бетонированный коридор раздваивается. Пошли направо: так, думалось, можно вернее пробраться к нашей передовой. Двигались час, долгий час, но он не казался уже таким тяжелым. Дышать-то можно было!

И вдруг новая неудача — пол залит мазутом. Вначале на это не обратили внимания. Брели вперед. Но мазута все больше и больше. Он доходил до колена, а затем до пояса.

— Назад…

Дойдя до развилки, двинулись налево. Еще час утомительной ходьбы и — лаз. Но куда он ведет?

Первым вышел Афиногенов.

Раздались выстрелы. Афиногенов упал, но остальные прорвались вперед, к главной конторе завода, и заняли там оборону.

…Но продолжим мой рассказ. Вскоре после истории с завалом штольни я был послан в штаб армии для подбора

разведчиков. Штаб находился на левом берегу Волги.

Со стороны кажется, до Красной Слободы рукой подать, она ведь всего лишь на том берегу Волги, а попробуй пройди! Переправу обстреливали и бомбили. Мины и фугаски падали непрерывно. По старой фронтовой привычке хочется залечь, а куда, в воду? К тому же чудится, что фашистский наблюдатель следит именно за каждым твоим шагом. И метко, проклятый, лупит. Вот в двадцати шагах мина разворотила понтон. Группа бойцов-пешеходов шарахнулась в сторону и оказалась в Волге. Мне удалось удержаться за веревочные перила.

— Сюда, товарищ капитан, сюда, — говорит мне оказавшийся рядом понтонник и как ни в чем не бывало ведет меня по остаткам проложенных под водою досок.

Переправа буквально кипела в фонтанах от падающих мин. Переживаешь постыдную беспомощность, но понтонники ведут себя как настоящие герои, они все время работают: то подводят запасные понтоны, то ремонтируют поврежденные; они слишком заняты, чтобы обращать внимание на обстрел.

Часа через два мокрый, продрогший, я в Красной Слободе. Врываюсь в первый попавшийся дом, или, вернее, подвал. Там живут местные люди.

Приняли меня хорошо. Гостеприимная старушка разрешает переобуться и взамен моих мокрых портянок дает сухие. Портянки — главное для солдата, теперь я могу спокойно продолжать путь. Но на минуту невольно останавливаюсь в дверях. То, что вижу, поражает: петушок, небольшой, белый, совсем довоенного вида. Я смотрю на него как на некую диковинку, словно эта птица какого-нибудь третичного периода, словно петушок — живое ископаемое. Ничего не поделаешь — отвык!

А бабушка жалуется:

— И зачем не курочка, снесла бы яичко, а этот живет дармоедом.

А в словах ласка: любит, видно, старушка своего нахлебника, сильно любит. Впрочем, и я тоже чувствую к нему симпатию и, найдя в кармане кусок хлеба, дарю его петушку.

Через час приятной прогулки, совсем необычной после овеянных пороховым дымом руин Сталинграда, вхожу в небольшую деревушку и с завистью поглядываю на ее обитателей. Счастливцы, спят, верно, с большим комфортом. Правда, снаряды долетают и сюда, да что они, разве вспомнишь о них, лежа на теплом полу жилого дома! Сколько мы в штольне шутили на эту тему, уверяя, что лучше такой жизни, как на полу ничего в мире нет.

Но и здесь люди живут своеобразно. Хозяйки варят обед для военных и вообще всячески заботятся о своих постояльцах. Они трогательно, ласково относятся к ним. Сразу чувствуешь, фронт и тыл соединились воедино.

Вот подошла женщина, еще молодая, но с утомленным, посеревшим лицом. Посмотрела на меня, покачала головой и вдруг сказала:

— Товарищ командир, не постирать ли вам бельишко? Думается, с передовой вы.

Я знаю, она рада услужить человеку с того берега сражающейся Волги, но, хотя предложение более чем кстати, времени у меня нет.

— А как там, скоро отгоните фрицев? — затем спрашивает она меня. В ее глазах вера в то, что мы победим.

— Скоро, скоро, — говорю я. Я тоже не сомневаюсь, не сегодня-завтра побегут немцы, и не только побегут, не только уйдут с нашей земли, но и наступит день, когда мы, защитники Сталинграда, увидим логово зверя — Берлин.

— Вот и я тоже говорю, — обрадовалась женщина. — Начальство нас хочет эвакуировать, а я ни в какую. К чему? Долго фриц не выдержит, да и польза от нас есть. Мужчина, что ни говори, без женской руки лада себе не даст. А у меня восемь стоят.

Она улыбнулась мне, как родному, и медленно свернула в ближайший переулок..

Но, оказывается, отдел, в который я направлен, расположен в другой деревушке. Иду туда.

Дорога вьется среди зарослей невысоких кустарников, ничего здесь нет особенно прекрасного, но я переполнен туристскими впечатлениями. Воспринимаю все по-новому, словно родился вчера. С любопытством рассматриваю желтоватый, осенний убор кустарников, с интересом слежу за их жизнью.

Новая деревушка, совсем крохотная, заполненная войсками. В одном из домиков меня встречает пожилой полковник со смуглым, очень утомленным лицом.

Заговорили о танках. Полковник нахмурился и посмотрел на карту.

— Да, — наконец заявил он, — вопрос необходимо немедленно выяснить, но как?

И снова задумался, а затем тихо:

— Я дам вам двух товарищей, они проникнут в фашистский тыл.

За словами последовал длительный детализированный инструктаж, как перебросить разведчиц, как руководить ими.

Еще полчаса беседы, и традиционное, чудесное, чисто фронтовое слово — отдыхайте.

Лишь тот, кто пережил гнетущее утомление передовой, поймет, как прекрасно снять сапоги, лечь на койку и закрыть глаза. И через минуту в комнате полковника я падаю на покрытый плащ-палаткой топчан и мгновенно проваливаюсь в сон. Приятный сон. Перед глазами солнечная, летняя Москва, Тверской бульвар. Девушки продают эскимо. Удивительно древние старушки греются на скамейках. Но — такова уж традиция тех дней — даже в сновидениях война. Падают мины, свистят снаряды. Просыпаюсь, но не успеваю закрыть глаза — снова та же война, отвратительно скрипит шестиствольный миномет, и начинается старое. Какая мука!

Ночью будят. Возвращаюсь в кабинет начальника разведотдела. Полковник по-прежнему работает за столом, а перед ним сидит худенькая, бледнолицая девушка в солдатской гимнастерке.

— Познакомьтесь, поговорите, а я пойду отдыхать, — сказал полковник и посмотрел на часы, я машинально сделал то же.

— Ого, полпятого!

Смотрю на девушку, стараюсь получше изучить ее. А она то и дело проводит рукой по шее, — видно, воротник тесен. Милая девушка. Лицо ласковое. Из-под пилотки выбивается золотистый локон. Большие карие глаза смотрят вопросительно.

Я думаю: разве такая годится? Разве это хрупкое существо может проникнуть в немецкий тыл? Становится стыдно за себя, сильного, здорового.

Но… надо начинать разговор.

— Вас как зовут? — спрашиваю.

— Нина.

— Сколько вам лет?

Ее длинные ресницы опускаются, щеки краснеют.

— Девятнадцать, — отвечает она совсем тихо.

«Эх, девочка, девочка, даже схитрить толком не умеет, а хочет в разведке служить», — проносится мысль.

— Ну хорошо, предположим, что девятнадцать, — говорю я, сознавая, что разговор не получается, идет не по-деловому, глупо. Беру себя в руки…

— Вам говорили о задании?

Она сразу же становится серьезной, глаза — строгими.

— Да, в общих чертах.

Это «в общих чертах» сказано суровым тоном. Однако мне надо основательно познакомиться с ней, и я начинаю.

— А может быть, в санбат, — рекомендую я мягко. — Почти

все медработники нашей дивизии орденоносцы и медалисты.

— Зачем же в медсанбат? — возразила она. — Ведь у меня направление не к дивизионному врачу.

Слова произнесены твердо, нет, у девушки крепкий характер.

— Садитесь, Нина, — говорю я примирительно, — рассказывайте, где служили, что делали.

Ее губы обиженно сжаты. Еще заплачет.

— А разведчица из вас получится?.. — откровенно спрашиваю я.

Полковник советовал перепроверить товарища, поговорить серьезно. Но выполню ли я его указание? Нина как будто обиделась. Она хмурится. Хватит, мол, болтать. Да, такая не побоится. Это радует. Человек должен идти в лагерь врага без колебаний. Впереди слишком много неожиданностей, слишком большой экзамен воли.

— Ладно, — говорю, — перейдем к делу.

* * *

Слова растапливают ледок. Нина улыбается, и ее большие темно-карие глаза блестят. Она рассказала о себе просто, подробно.

…Школу разбомбили, дом разрушили. Отец, старый большевик, умер задолго до войны. Мать убило фугаской. Девушка пошла в военкомат. Не без труда ей удалось упросить комиссара дать приказ о зачислении в противовоздушную оборону. И вот первая тревожная ночь на крыше большого незнакомого дома. Пронзительные звуки сирен. Белые, рассекающие черное небо мечи прожекторов и тягостный, непрерывный гул самолетов.

Стучат зенитки. «Юнкерсы» сбрасывают осветительные бомбы. Кажется, кто-то подвесил над домами эти зловещие светильники. В их слепящем оранжевом свете все окружающее становится каким-то призрачным, ненастоящим. Потом — нарастающий вой сброшенных бомб. Хочется сжаться в комочек, ничего не видеть… Но нельзя… Где-то почти рядом грохает взрыв. Дом вздрагивает, словно собираясь развалиться на части. Звенят выбитые стекла. И вот на другом конце крыши что-то вспыхивает. Зажигательная… Нина стремительно бросается туда. Ловко орудует щипцами. Минута — и бомба обезврежена. А дальше работа в госпитале. Долгие бессонные ночи у изголовья раненых. Но враг подошел к родному городу. Бои уже на южной окраине — в Ельшанке. Снаряды рвутся в районе вокзала.

Санитарные поезда сюда больше не приходят. Надо искать новое применение своим силам.

Где? Да, конечно, там, где больше опасности. Почему? Ответ ясен. Сталинградская комсомолка видит свое место в борьбе на самом трудном участке. Нина-разведчица готовится к самому опасному.

— Ну что ж, Нина, — говорю я, — давайте договоримся.

— Товарищ капитан, — порывисто произносит она, — честное комсомольское, доверие оправдаю.

Утром меня познакомили с Тоней, Нининой напарницей. Тоня кажется совсем девочкой, но это-только первое впечатление. Когда она говорит о предстоящей работе, чувствуешь: такой можно верить.

Несколько часов продолжительных деловых, но в то же время и задушевных бесед, и мы возвращаемся назад. Переправа. Испытующе смотрю на спутниц. Не струсят ли? Нет, они спокойно идут среди разрывов бомб и лишь вздрагивают, когда всплески от упавших мин окатывают их с ног до головы.

Ночью в штольне с девушками беседует комдив.

— Ты не боишься попасть в лапы фашистов? — спрашивает он Нину.

— Конечно, боюсь, — отвечает та и, сдвинув брови, добавляет: — Но раз надо, так надо.

— А ты? — спрашивает ее подругу Гуртьев и пристально смотрит ей в глаза.

Тоня выдерживает его взгляд и отвечает:

— Задание выполню.

— Тогда идите сюда, — говорит полковник и подводит их к карте. Он подробно объясняет, как и куда идти, разъясняет задачу.

Слушаю и думаю: а я бы так не смог. Думаю и удивляюсь, как хватает у комдива времени учить меня.

— Помните, лишний шаг, одно неосмотрительное движение — и дело погибло. Время дорого. Опять придется начинать сначала. Продумайте задание до мельчайших мелочей.

Потом мы ужинаем, а может, завтракаем, не разберешь, как назвать такую предрассветную трапезу…

Лил крупный, очень холодный дождь. Он усиливался и переходил в ливень. В землянке образовалась лужа.

— Пора, — приказал по телефону Гуртьев.

Мы вышли к нашей передовой. Тихо. Впрочем, нет, не тихо, сильно шумит вода, но мы не обращаем на это внимание. На войне ухо реагирует на другие, более угрожающие звуки: стрельбу, разрывы снарядов. Ни того, ни другого не слышно, —

значит, тихо.

Мы заранее тщательно исследовали проход в подвалах в районе Г-образного дома. Разведчики «братья» Сахно уже побывали здесь. Они проведут девушек.

Как будто все хорошо, но сердце сжимается, когда думаешь, что их ждет.

Крепко пожимаю руки девушкам.

— Желаю удачи, — шепчу.

Они уходят. Еще злее ливень. Кажется, накопленная в тучах вода вся хлынула на землю. Спокойно, не прячась, возвращаюсь в штольню. Когда идешь без предосторожностей, напрямик, путь кажется очень близким. Гуртьев не спит.

— Проводили? — спрашивает он.

— Проводил.

Полковник вздохнул, а затем с благодарностью посмотрел на барометр:

— Молодец, не подвел, дождик-то настоящий!

Новый урок преподал мне командир дивизии. Он учел все, даже погоду.

ВОЛГА ГОРИТ

Погода шалила: то жара, то холод, то неистовый ветер.

На рассвете вышел из штольни и сразу весь съежился. Злющий-презлющий норд-ост продувает насквозь.

— Нет, паря, у нас в Сибири хоть морозики и подскакивают до пятидесяти градусов, а теплее, — пожаловался один связист другому.

Я невольно нахмурился. Воспоминания о минувшей зиме заставили вздрогнуть. В дни отступления мы спали прямо на снегу. С непривычки это казалось чем-то немыслимым, а когда попробовали, выяснилось, можно. Главное, снять шинель, ватник и завернуться в них с головой, освободить ноги из валенок, и, усевшись, можно кое-как дотянуть до рассвета. Правда, утром приходится немало бегать, чтобы хоть немного согреться. Но тогда мытарства своеобразно узаконивались временем года, теперь же еще только октябрь, а холодина жуткая.

Однако через минуту уже не думалось о погоде. В небе загудели самолеты. Сколько их? Старшина Комов досчитал до восьмидесяти и сбился. «Юнкерсы» мчались куда-то на северо-восток, к Дубовке, и там занялись бомбежкой.

Продолжать наблюдение не удалось. Вызвал комдив.

— Что слышно о Нине и ее подруге?

— Пока ничего, товарищ полковник. Вторую ночь мы ходим к месту встречи, но безуспешно. Девушек нет. Что с ними — неизвестно.

Гуртьев насупился.

— Неужели погибли? — прошептали его посиневшие губы, и что-то старческое появилось на его лице. Что именно — не определишь.

— Нет, не может быть, не погибнут, — с внезапно появившейся уверенностью произнес полковник и уже строго: — Ночью произведите поиск. «Язык» необходим. Позор какой, рядом притаились танки, а мы как с завязанными глазами.

— Есть, произвести поиск, — и я вышел из штольни.

К готовившемуся поиску я решил привлечь «братьев» Сахно, хорошо зарекомендовавших себя разведчиков. С ними, кстати сказать, не так давно перед этим произошел забавный случай.

Вскоре после кровопролитного боевого крещения в Сталинграде в дивизию пришло пополнение. Встречал сам Гуртьев, который мне и рассказал историю появления «братьев» в дивизии. Приняв у старшего отряда именной список людей, полковник решил с каждым из солдат познакомиться. Вызывал по

алфавиту. Дошла очередь и до Сахно.

— Я, — раздались одновременно два голоса.

— Сахно Александр, — уточнил полковник.

И вновь два голоса. Гуртьев нахмурился и уже более резко прочитал еще раз:

— Сахно Александр Иванович.

— Я, — снова в два голоса.

— Их двое, — наконец пояснил старший отряда.

— Сахно, два шага вперед, шагом марш! — скомандовал комдив.

Перед шеренгой с противоположных флангов, выступило по человеку. С правого — здоровенный детина в фуфайке, которая треснула на непомерно широких плечах. С левого — малыш в полушубке, сидевшем на нем как настоящая сибирская доха, настолько он был ему велик.

— Какого года? — спросил генерал правофлангового.

— Тысяча девятьсот двадцатого, — проговорил великан.

— Тысяча девятьсот одиннадцатого, — проговорил левофланговый.

— Так вы, следовательно, младший? — почти удивленно заметил Гуртьев великану, и с тех пор их так и назвали: высокого — младшим, а маленького — старшим.

Познакомившись, «братья» подружились. Их всегда встречали вместе, и трудно было сдержать улыбку при виде этой пары: ну настоящие Пат и Паташон.

* * *

Вызванные из блиндажа оба Сахно в ответ на мой вопрос, что творится на переднем крае, заговорили как-то сразу. Оба, оказывается, уже давно заметили один из вражеских блиндажей над гребнем высоты, который показался им подозрительным.

— Если подползти да потом столкнуть фрица, сам скатится, — пробасил младший.

— Непременно скатится, — пискнул старший.

— А мы за ним, — усмехнулись оба.

План понравился. Самое трудное — вытащить пленного. Порой на руках не вынесешь, а своим ходом не всякий согласится идти. Усевшись в ближайший окопчик, мы стали обсуждать план поиска.

Вдруг раздались испуганные возгласы.

— Ребята, горит Волга, как же кухня-то?! — срывающимся от волнения голосом орал повар.

Мы вернулись из окопчика. Оказывается, «юнкерсы» разбомбили резервуары с нефтью. Нефть воспламенилась и кипящим потоком потекла к Волге. Поток этот как раз прошел через расположение штаба дивизии. Картина довольно эффектная, но жуткая. Вот огненная лента доползла до реки и запрыгала на ее волнах. Норд-ост своими дикими порывами разбрасывает пламя. Волга горит; то и дело черные, похожие на гигантские локоны клубы вонючего дыма вылетают из ее волн. Огонь мог уничтожить стоящие у берега суда.

В первую минуту мы растерялись.

— Товарищи, скорее, скорее сталкивайте лодки в реку! — раздался голос Гуртьева.

«Братья» Сахно первые кинулись выполнять приказ. За ними — остальные. Действовать приходилось с молниеносной быстротой. Плавающий на волнах огонь приближался, но бойцы и командиры, возившиеся около лодок, работали дружно, и наш небольшой «флот» удалось спасти. Правда, не обошлось без неприятностей, кое-кто получил ожоги.

Враг не дремал. Как по команде, заскрипели минометы, забили орудия. Многие мины и снаряды попали в цель. На берегу появились раненые и убитые, да и не только на берегу, в реке тоже. Лодка, в которой плыл Сахно-старший, перевернулась, и разведчик попал в «пылающие» волны. Увидев это, Сахно-младший кинулся на помощь «брату». Нырнув под струю горящей нефти, великан оказался рядом с теряющим силы товарищем и потащил его к одной из лодок.

В это время Гуртьев, не обращая внимания на обстрел, продолжал бороться с пожаром. По его приказу делались плотины, преграждающие путь горящей нефти.

— Добра сколько гибнет, сколько гибнет, — сокрушенно повторял Ахметдинов, то и дело вздрагивая. Не от страха, нет. Не осталось сухой нитки на обмундировании старшего сержанта. Он только что выскочил из воды, а северо-восточный ветер дул и дул…

После полудня «братья» Сахно вернулись из «заграничного плавания», как сострил Ахметдинов. Они отделались сравнительно легко, совсем небольшими ожогами, но продрогли и устали сильно. Посылать их в таком состоянии за «языком» было просто немыслимо. Но не откладывать же поиск. Поэтому в группу захвата я назначил Жигарева, Чуднова и, конечно, Ахметдинова.

Перед разведчиками была поставлена следующая задача. Как только стемнеет, они должны были проползти по проложенному весенним потоком песчаному руслу, забраться на гребень и

вытащить из расположенного там блиндажа гитлеровца. В это время артиллеристы должны были помочь огоньком, а группа отвлечения устроить большой шум на левом фланге. Самой сложной частью поиска являлся подход к позициям противника: ползти приходилось по хорошо просматриваемой местности.

…Вечером мы направились в полк Кушнарева, в расположении которого предполагали работать. Полк переживал трудные минуты. Начало октября прошло в непрерывных боях. Противник, имея превосходство в живой силе и технике, атаковал. Его напор возрастал с каждым днем. Чтобы сбросить нашу дивизию в Волгу, Паулюс не жалел сил, то и дело вводил в бой новые части. Дивизия оказывала яростное сопротивление, но гитлеровцам ценой неимоверных усилий все же удалось несколько продвинуться. В то время когда мы попали в расположение полка, напор фашистов достиг максимальной силы.

Вначале нас приняли за пополнение.

— Ого, — закричал командир полка, увидев нас, — прислали на помощь!

Его сияющее лицо при виде подходивших к нему четырех человек свидетельствовало: в ротах пусто.

Узнав, что мы явились выполнять специальное задание, Кушнарев огорчился.

— Хоть атаку помогите отбить во второй роте, ей-ей, прорвутся, — взмолился он.

Разве можно отказать в такой просьбе? И мы направились в развалины, которые защищал батальон, состоящий из нескольких десятков штыков. Из превращенной в амбразуру трещины в стене поливал вражескую передовую наш пулемет. По извилистым траншеям мы пробрались к нему.

— Вот здорово, — увидав подкрепление, закричал в тон комбату пулеметчик и сразу попросил: — Товарищи, держите правый угол, фашисты оттуда нажимают.

Он командовал тоном старого фронтовика, и я, несмотря на различие в званиях, повиновался. Здесь, в правом углу здания, лежа среди трупов убитых красноармейцев, мы повели огонь по наступающим гитлеровцам.

Вдруг пулеметчик сказал:

— Товарищи, будьте друзьями, поднесите диски, — а затем виновато добавил: — Нога у меня перебита, ходить не могу.

В эту минуту мне и в голову не пришло отправить его в санбат. Положение ухудшалось с каждой минутой, враг нажимал. Он обходил нас с правого фланга.

— Жигарев, — приказал я, — скорей к пролому.

Жигарев пополз, а через минуту его автомат уже строчил по эсэсовцам.

Лежа в своем углу, я невольно заразился общим настроением, своеобразной атмосферой, бывшей в сталинградских руинах, — атмосферой напряженной, героической борьбы, когда нельзя отступать с позиции, когда и рана не заставит бойца уйти с поля боя.

Но как же с поиском? Выручил Ахметдинов.

— Вы, товарищи, воюйте, а я один фрица украду, — предложил он.

Как не согласиться с предложением! Уходить же нельзя!

Снова ожесточенная перестрелка. Из-за Волги заговорила артиллерия.

«Бог войны» действовал сокрушающе. Руины на вражеской стороне накрыла песчаная туча. Что там творилось — нетрудно представить, ведь сотни полторы снарядов разорвались на расстоянии нескольких десятков метров. Стены заводских цехов взлетали на воздух. Всюду заполыхал огонь, перестрелка смолкла.

Я, как зачарованный, следил за разрывами, с восторгом вслушивался в их грохот.

— Будто затихло, — прошептал незаметно подползший ко мне начальник штаба полка капитан Дятленко.

«Затихло» относилось, конечно, не к нашему огневому налету, а к огню противника, фашисты действительно примолкли.

— Ты уж нам своих бойцов оставь до утра, — попросил Дятленко, — пулеметчика-то убило, охранять амбразуру некому.

— Пусть остаются, — согласился я, а сам пополз в овраг. Пробравшись в расщелину, спрятался. Мысленно еще переживал недавний бой.

И вдруг стало ясно, насколько условны понятия далекого и близкого тылов. Еще сегодня казалось, наш штаб дивизии — передовая. Нет, куда там! Настоящее пекло в окопах. Прав Гуртьев: каждому сталинградскому воину можно присвоить звание Героя Советского Союза.

В эту минуту где-то наверху, на гребне оврага, раздался одинокий выстрел, затем крик, сильная, но разрозненная стрельба. Палили, вероятно, куда попало. Что-то большое, неуклюжее покатилось под откос, за ним — другое.

Уже совсем близко — короткая схватка, в которой я не мог принять участия. Не различишь кто друг, кто враг.

— Харошь, харошь, — как всегда в минуту волнения коверкая слова, пробурчал Ахметдинов и приподнял лежащего у его ног

человека.

Наверху стрельба усилилась. Гитлеровцы по-настоящему всполошились. Общими усилиями мы притащили фашиста на КП полка. Внесли в блиндаж, там выяснилось: захватили труп. Пленный не выдержал железных объятий бывшего мастера модельной обуви и отправился к праотцам.

— Шайтан, жить не умеешь сколько надо, — выругался Ахметдинов.

Он свирепо посмотрел на мертвого, словно тот перед ним в чем-то провинился.

Возвращались назад молча. Неудача мучила. Каждый переживал ее по-своему. Узнав о результатах поиска, полковник нахмурился.

— А кто вам разрешил воевать? — серьезно и строго спросил он. — Каждый из вас обязан выполнять свои функции. И подменять друг друга нельзя. Мы слепые сейчас, понимаете, слепые… Немцы наверняка готовят прорыв, а вы!.. Безумие поручать дело одному человеку. Вот и перестарался бедняга. Идите, — приказал он и, чуть смягчившись, добавил: — Отдыхайте.

…Откровенно говоря, я на Гуртьева обиделся. Его упрек показался мне несправедливым: не отдавать же позицию немцам!

Утром меня вновь вызвали к Гуртьеву, у него сидел майор Кушнарев. У командира полка был угрюмый вид.

— Сегодня ночью поиск, «языка» достать во что бы то ни стало, — приказал командир дивизии.

— Есть, достать «языка», — повторил я.

Тон, каким мне отдали приказ, меня огорчил. Неужели полковник серьезно считает, что я совершил преступление? Да, Гуртьев считал…

Ждать… Как много мучений доставляло это. Как плохо чувствуешь себя, отправляя на смертельную опасность товарища! Сидеть в укрытом от бомб, снарядов блиндаже и думать: а вернется ли боевой товарищ? Сидеть и думать, а в эту минуту фашисты уже пытают героя, подвешивают его за вывихнутые руки, вырезают ему на спине красные звезды.

И снова мысли о девушках. Почему они не возвращаются? Неужели погибли?

Нестерпимо медленно тянулась ночь. Чтобы скоротать время, я начал прогуливаться среди развалин, поглядывая на зловещий фейерверк трассирующих пуль, прислушиваясь к канонаде. Потом все успокоилось, все стихло. Близился рассвет, а в такое время даже гитлеровцы отдыхают. Вот где-то за Волгой порозовел горизонт. Все сильнее и сильнее он подкрашивал тучи, еще

недавно совсем черные, угрюмые.

Я улыбнулся было просыпающемуся утру, но тут же склонил голову. Раз до сих пор не вернулся Ахметдинов, значит…

Еще полчаса ожидания, и пришлось возвращаться в штольню, в свой блиндаж. Лег на топчан, задумался. О ком? Да, конечно, о нем, о моем Ахмете…

И вдруг — шум шагов и голос, в эту минуту особенно знакомый, особенно родной:

— Товарищ капитан, разрешите?

Я кинулся навстречу. Он, Ахмет, в руке окровавленный эсэсовский кинжал, а за ним — перепуганный, со скрученными назад руками гитлеровец.

Я обнял разведчика, а он зашатался и медленно опустился на порог.

…Очнулся Ахметдинов далеко за полдень, и первым, кого он увидел, оказался Гуртьев.

— Спасибо, родной, большое спасибо! — сказал комдив и положил руку на плечо бойца. — Кинжал возьми на память, злее будешь.

— Я и так злой. Шибко злой, — сквозь зубы произнес разведчик, — только виноват я, не так вышло.

А получилось действительно не совсем так. Ахметдинов настолько верил в свою физическую силу, что порой пренебрегал элементарными правилами предосторожности. Подкравшись к окопчику, находившемуся невдалеке от заводской стены, он напал на двух гитлеровцев, одного убил, а второго связал, но плохо, взвалил на спину и понес. Об одном забыл разведчик — обезоружить фашиста. Бойцы, участвующие вместе с ним в поиске, шли сзади, охраняя его отступление. Метров через тридцать, миновав большой завал, Ахметдинов очутился вне поля зрения своих наблюдателей. Вдруг — сильный удар в бок, острая боль (пленный ухитрился освободить руки). Разведчик выронил немца, тот моментально вскочил на ноги, но тут же упал, оглушенный ударом кулака. Татарин подобрал нож, которым его ранил гитлеровец, дотащил пленного до штольни, но, войдя ко мне, потерял сознание.

Гитлеровец дал ценные показания, но главного — есть ли на нашем участке танки — он не знал. Ахметдинов же, неделю полежав в санбате, снова вернулся в строй.

На другой день на рассвете «братья» Сахно и Чуднов принесли в плащ-палатке Нину. Ее нашли в нейтральной полосе. Она была тяжело ранена во время перехода линии фронта…

Нина выжила. Несмотря на большую потерю крови, она на другой день пришла в сознание.

— Пойдем к ней, — узнав об этом, сказал мне Гуртьев. Полковник заметно волновался; всегда спокойный, уравновешенный, он выглядел совсем не так, как всегда.

Когда мы пришли, девушка лежала в постели, бледная, едва живая. Увидев полковника, она сразу оживилась.

— Ваше задание выполнила, — проговорила она и вдруг расплакалась.

— Ниночка, да ты ли это? Такая смелая разведчица и вдруг… — погладив ее по голове, проговорил Гуртьев.

Девушка ласково посмотрела на него, левой рукой осторожно провела по забинтованной правой и нахмурилась.

— Ладно, люди больше страдают, — с неожиданной твердостью в голосе проговорила она и рассказала о своем пребывании в тылу противника.

Перейдя гитлеровскую передовую, она вместе со своей подругой пробралась к Мамаеву кургану. Там они чуть не попали в лагерь, куда сгоняли советских граждан для отправки в Германию. Разведчицы уже подходили к дому, в котором находился этот застенок, но оказавшийся поблизости старик успел их предупредить об опасности.

Теперь пришлось действовать с удвоенной осторожностью. Но как одновременно скрываться от немцев и заговаривать с ними? С этой, на первый взгляд неразрешимой, задачей разведчицы справились.

В Сталинграде, в подвалах разрушенных домов и других катакомбах, еще остались мирные жители — те, которые не успели вовремя уйти из города, в большинстве старики, дети и больные люди. К ним-то и обратилась Нина. Переночевав у своей родственницы, жившей в погребе под остатками своего дома, Нина постаралась завязать связи с ее соседями. Это удалось. Несмотря на ужасные условия, в которых они находились, советские люди оставались патриотами своей родины. Они сообщили много ценных сведений и помогли девушкам пробраться к Красным казармам, в которых размещались эсэсовцы. Оставив Тоню у ворот казарм, Нина проникла в наполненное гитлеровцами здание. Уверяя, что она разыскивает какого-то друга — мифического обер-фельдфебеля Шмидта, она заговаривала с немцами. Фельдфебеля Нина, конечно, не нашла, но ценные информации получила. Узнала она и самое главное — о расположенной в этом районе танковой дивизии. Побывали девушки и на Мамаевом кургане, установив позиции огневых средств противника. При возвращении назад Тоня была убита, а Нина ранена.

После разговора с Ниной Гуртьев позвонил Чуйкову, сообщил

о результатах разведки. Вечером в беспрерывный грохот пушек и минометов влилась новая мелодия. «Раз, раз, раз», — твердили пушки, гаубицы и «катюши» с того берега Волги. Они били в одну точку, и вскоре в расположениях врага вспыхнуло гигантское зарево.

Сахно-младший, наблюдавший с крыши Г-образного дома, сообщил:

— Загорелись казармы.

Еще немного — и новые известия:

— В районе казарм взрывы. К большим пожарам прибавились малые.

Догадаться нетрудно: горят танки.

Много раз пищал телефон, много раз с наблюдательного пункта разведки доносилось:

— Новые пожары, новые взрывы.

На бомбежку пошли самолеты.

Все это свидетельствовало, что подвиг девушек-разведчиц не прошел даром. Несколько десятков танков, спрятанных в районе Красных казарм, были уничтожены. Правда, их сильно потрепанная дивизия все же двинулась на наш участок фронта. Но одно — ударить кулаком, другое — ткнуть пальцем. Остаткам гитлеровских танков теперь стало уже не под силу нанести нам сильный урон.

Приказом по 62-й армии Нина Лянгузова была награждена орденом Красной Звезды.

На другой день к Нине пришли разведчики. Даже врач, несмотря на свою строгость, не устоял против их «атаки».

— Нина, поздравляем!

— Орден носить будешь! — сказал Ахметдинов, прищелкнул языком и, широко улыбаясь: — Да еще Красная Звезда!

— Теперь, дочка, — говорил Комов, поглаживая бороду, — главное, поправляйся, а все остальное приложится.

Но Нина не успокаивалась: Тоня-то погибла.

…Много позже я узнал, что Нина и до знакомства со мной переходила линию фронта и выполняла ответственные задания. Но девушка умела молчать, а потому во время нашего разговора не сказала мне этого…

Через несколько дней я зашел в медсанбат проведать Нину и других разведчиков. Во время нашей беседы в палату просунулась голова медсестры в белой косынке.

— Командир дивизии приехал! — прошептала она.

Гуртьев ласково поздоровался со всеми и стал обходить койки раненых, расспрашивая о здоровье. Войдя в женскую палату, полковник подошел к Нине, а затем спросил у врача:

— А где Зина?

— Сейчас придет с перевязки.

Действительно, вскоре в палату вошла высокая темно-русая девушка. Ее бледное лицо еще сохранило детское выражение. Только возле рта залегла скорбная, страдальческая складка.

Зина, как и Лянгузова, одна из героинь нашей дивизии, о ней нельзя не рассказать. Перед самой войной, окончив техникум, она работала зоотехником в одном из колхозов Красноярского края. Когда в армию призвали брата, она приехала с ним в город и, явившись в военкомат, попросилась на фронт. Просьбу удовлетворили. Смелая, самоотверженная, Зина многих раненых вынесла из-под огня. Вскоре выяснилось: Зина не только хорошая медицинская работница, она очень наблюдательна, умеет видеть то, чего не замечают другие. Сведения, которые она сообщала, были интересны, и получилось так, что, как-то само собой, ей начали давать задания. И вот когда гитлеровцы прорвались сквозь поредевшие ряды сибиряков, Зина оказалась отрезанной от своего подразделения… Ее взяли в плен и потащили в штаб. Начался допрос — она молчала. Ее били — тоже молчала. Тогда гитлеровский офицер, взбешенный ее упорством, приказал вырезать у нее на спине пятиконечную звезду.

…Увидев Гуртьева, Зина сначала смутилась, потом кинулась к нему и зарыдала. Немного успокоившись, она рассказала о пережитом.

— Очень больно было, товарищ полковник, — тихо призналась она. — Но все равно молчала. Только губы закусила до крови. А тут вдруг слышу, летят самолеты. Ровно так гудят. Я сразу по звуку догадалась: наши. Началась страшная бомбежка. В доме со звоном вылетели стекла. Фашисты побежали в укрытия, я тоже побежала куда глаза глядят. Бежала, не обращая внимания на бомбы. Потом пряталась в развалинах, а ночью пробралась к своим… Товарищ полковник, — попросила она Гуртьева, — разрешите в часть? Но теперь в разведку ходить буду.

Гуртьев улыбнулся:

— Хорошо, выздоравливайте только.

Желая отвлечь ее от тяжелых переживаний, комдив завел разговор о Красноярском крае, расспрашивая о родном колхозе. Девушка оживилась.

— До чего же хорошо у нас в Сибири! — воскликнула она. — Да и сами знаете. Простор, приволье… А земли какие! Богатые, плодородные. Кончится война, опять зоотехником пойду. Люблю я свое дело. — Немного помолчав, она дотронулась до рукава командира дивизии и спросила: — А скоро война кончится?

Гуртьев улыбнулся:

— Если все наши бойцы станут такими, как ты, очень скоро.

Зина заулыбалась от радости.

…Хочется рассказать еще об одном поиске, но значительно более сложном. Однажды накануне моего перевода в дивизию нашей разведке пришлось участвовать в ответственной вылазке в тыл противника. Возглавлял ее лейтенант Шумилин. До войны Шумилин работал в Сталинграде. По роду своей службы превосходно знал город. Ему-то и было поручено пробраться во вражеский тыл самым оригинальным способом, по канализационной трубе.

Труба эта проходила от Волги к центру города и по своему диаметру была проходима, или, вернее, проползаема.

Придя в штаб к Гуртьеву, Шумилин попросил, чтобы в его распоряжение выделили двух разведчиков, и притом маленького роста. Чем меньше человек, тем легче будет ему совершить такой необычный переход. Выделили двух — Чуднова и Сахно-старшего. Попробовал было и младший принять участие в этом поиске, но его сразу забраковали.

— Ростом не вышел, если бы хоть на полметра меньше, тогда еще куда ни шло, — шутили товарищи.

Сахно-младший обиженно нахмурился, старший задорно посмотрел на него. Теперь уже никто не посмеет острить над низким ростом.

Но из первой попытки ничего не получилось. Несмотря на то что около двух месяцев канализация бездействовала и прошедшие дожди вынесли нечистоты, страшная вонь преграждала доступ в бетонированную нору. Разведчики буквально задыхались. Едва обратно вернулись.

Выручил начхим. Он дал ряд ценных практических указаний по использованию противогазов в данных специфических условиях.

Люк, которым на этот раз решено было воспользоваться, находился во дворе разрушенного здания в нейтральной полосе. Начальник разведки дивизии проводил туда Шумилина с товарищами и, подняв крышку, впустил в люк смельчаков. Через несколько минут начальника разведки убил фашистский снайпер.

Но группа Шумилина об этом не знала и продолжала свой путь, кошмарный путь. Люди ползли на четвереньках в зловонной жиже. Лейтенант предупредил; без его разрешения противогазы не надевать. Но с каждым метром дышать становилось все труднее. Шумилин двигался впереди и прислушивался. Лишь отвратительное хлюпанье нарушало тишину. Вдруг хлюпанье прекратилось.

— В чем дело? — спросил лейтенант.

— Сахно упал в обморок, — сообщил Чуднов.

— Надеть на него противогаз и тащить, — последовал приказ.

Движение продолжалось томительно долго. Одно — шагать по асфальту, другое — ползти в сплошной зловонной грязи. Страшно болели мускулы, и каждое новое движение доставляло мучение. Шумилин мысленно пытался ориентироваться. Он примерно рассчитал: до выхода полторы — две тысячи шагов. Преодолеть такое расстояние казалось не столь тяжелым, но практически получалось иное.

Самое неприятное было отдыхать в жиже. Лежать в ней, чувствовать, как она просачивается под одежду, как все тело наполняется невыносимым зудом.

Во время таких вынужденных остановок лейтенант то и дело спрашивал:

— Дышит Сахно?

— Дышит, — успокаивал Чуднов. Хотя ему приходилось тащить на плечах товарища, он вел себя молодцом.

Время двигалось невыносимо медленно. Наконец разведчики добрались до небольшой бетонированной ямы, откуда шел ход наверх. Шумилин поднялся во весь рост, с наслаждением расправляя отекшие руки и ноги, и едва не упал. Нелегко после длительного ползания стать на ноги. Ощупав стены, он обнаружил скобы. Но… что ждет наверху? Может быть, немцы?

Осторожно стал подниматься. Еще осторожнее приоткрыл люк. Дохнул свежий осенний ветер. Чудно! Правда, сразу закружилась голова.

Выглянул: кончилась ночь, землю окутывал нелюбимый разведчиками белесый туман — «ни два ни полтора»: далеко не видно и сам не спрячешься. Словом, надо торопиться. Шумилин осмотрелся: в нескольких метрах развалины, справа гора кирпичей. Вокруг никого.

— Чуднов, наверх, — приказал лейтенант.

Но поднялся Сахно. Шумилин понял: Чуднов уступил товарищу право первому подышать свежим воздухом.

— Товарищ лейтенант, я… — прошептал Сахно.

— После разберемся, — прервал его Шумилин.

Следом вылез и Чуднов. Все трое сидели и с жадностью дышали свежим воздухом.

— Ох какой вкусный, — восторженно шепнул Сахно.

— И впрямь, вкусный, — подтвердил Чуднов.

Шумилин молча кивнул головой, но и он дышал с наслаждением.

Туман быстро рассеивался. Пробравшись к груде камней, Шумилин с тыла стал изучать передний край противника.

Рассматривал, стараясь запомнить все, запечатлеть в памяти каждую мелочь.

Вдруг позади, за стеной, кто-то заговорил. Шумилин до войны учился заочно в институте иностранных языков. Он прислушался.

— Алло, сколько же можно ждать господина лейтенанта? — спросил кто-то по-немецки.

— Ну нет, майор, как хотите, а русские воевать не умеют. Они не понимают, совершенно не понимают, что фронт — это волк, а тыл — овца. Зачем же лазить в овчарню? Вчера, представьте себе, миномет стоял в Д-37, а они кроют из «катюш» по нашим ложным Е-46.

— Ну и смех, — раздался другой голос.

— Да, да, это я, капитан Лейке. Миномет перенести на новую позицию. Лейтенант Рист, вовремя надо подходить к аппарату, — и совсем другим тоном, спокойно: — Уф, скучно, — затем сердито: — А все же и угораздило большевиков придумать «катюши», головы не дают поднять.

За стеной замолчали. Шумилин лежал на камнях и думал: что же предпринять? Ясно, рядом блиндаж какого-то штаба. Он снова выглянул и сразу спрятался. В десяти шагах стоял гитлеровский солдат. Он дремал. Вероятно, часовой, но если так, то… должна скоро прийти смена.

— Осторожно снять часового, — шепнул Шумилин разведчикам.

Из-за стены донеслись звуки гитары, и кто-то запел. Дальнейшее произошло почти мгновенно. Чуднов и Сахно бросились на часового, оглушили его, связали и втащили в люк. Оставив его там, разведчики перепрыгнули через стену и ворвались в размещенный около нее блиндаж.

Сахно и Чуднов одновременно выстрелили в сидящих за столами немцев, а Шумилин, кинувшись к лежавшему на топчане офицеру, обезоружил его. Офицер не сопротивлялся. Он таращил глаза и шептал:

— Сдаюсь.

Зазуммерил полевой телефон.

— Говорите как полагается. Одно лишнее слово — и вы на том свете, — предупредил Шумилин офицера.

Офицер посмотрел на убитых товарищей, снял трубку и пробурчал:

— Капитан Лейке слушает.

Говорили по прямому проводу, в микрофоне отчетливо слышались слова собеседника.

— Миномет установлен, нужна цель, — донеслось из трубки.

— Попросите позвонить позднее, — шепнул Шумилин. Офицер повиновался.

Захватив лежащие на столе документы, разведчики вместе с гитлеровцем спустились в люк.

Выяснилось: возвращаться труднее, чем идти вперед. Не прошло и четверти часа, как гитлеровцы начали задыхаться. Их пришлось тащить. Несколько часов длилось жуткое путешествие. Наконец знакомое помещение и… свежий воздух.

Но пленные не подавали признаков жизни.

— Неужели задохнулись? — испугался Шумилин. Немудрено задохнуться: после долгого пребывания в трубе гитлеровцы напоминали огромные комья зловонной липкой грязи.

Отнесли пленников вниз к Волге, помыли, и ледяная вода привела их в чувство. Через час, уже в блиндаже штадива, фашисты дали показания. Особенно много ценных сведений сообщил капитан, который оказался наблюдателем артполка. Он подробно сообщил о позиции огневых средств, и многие из них вскоре были уничтожены.

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ!

Года два назад мне удалось побывать на северной окраине Краснооктябрьского района. Красивые благоустроенные дома, зелень, высокий, удивительно тихий волжский берег. Но вот раздался заводской гудок, рабочий день окончился, и все ожило. Песни, смех. Похожие на чаек парусные лодки скользнули по серебряной глади реки, и показалось — обознался. Не здесь воевали мы, не здесь. Неужели за сравнительно небольшой срок на месте угрюмых руин вырос полный жизни и счастья поселок? И вспомнились слова Гуртьева, сказанные в день, когда мы отбывали на другой участок фронта: «Недаром повоевали под Сталинградом. Паулюсу уже не возместить потерь, фундамент победы заложен, победы, которая вернет назад и мир, и народное счастье».

Да, счастье вернулось, а потому особенно хочется рассказать побольше о тех, с кем довелось воевать.

Дивизия Гуртьева состояла из сибиряков: омичей, томичей, красноярцев. Путевку под Сталинград после всесторонней восьмидневной проверки ей дал лично маршал Ворошилов. Заняв позиции на севере нынешнего Краснооктябрьского района, она сдерживала противника, превосходящего ее втрое и по технике, и по численности людского состава. Лишь в одном уступали гитлеровцы — в силе духа, и потому устояли сибиряки. По десять — пятнадцать раз в день бросались гитлеровцы в атаки, но, захлебываясь в собственной крови, откатывались назад. Порой противник сутками подряд бомбил боевые порядки дивизии, порой по два часа длилась артиллерийская подготовка, но и тогда атакующих встречал такой огонь, что они не могли прорваться вперед. Так продолжалось более двух месяцев. Героизм в сибирской дивизии стал делом обычным, массовым, повседневным.

Когда я пишу эти строки, то вновь вижу перед собой суровые, обветренные, покрытые пороховой гарью лица товарищей. «За Волгой для нас земли нет!» — эти слова глубоко запечатлелись в сердце каждого воина. «За Волгой для нас земли нет!» — значит, надо стоять насмерть.

О каждом бойце сибирской дивизии можно написать интересную, увлекательную книгу. Я уверен, что такие книги будут написаны. Но я не литератор-профессионал. А мне лишь хотелось рассказать о некоторых эпизодах нашей фронтовой жизни.

…Ожесточение боя нарастает. В какой уже раз пьяные

гитлеровцы бросаются в атаку. Иногда под прикрытием танков им удается прорвать оборону. На танках — автоматчики, за танками — пехотинцы. Положение становилось критическим. Одна из машин мчится к командному пункту полка. Вдруг наперерез танкам выскакивает боец. Из-под расстегнутого ворота гимнастерки виднеется полосатая тельняшка. На секунду он в угрожающей позе останавливается перед бронированным чудовищем, собираясь вступить с ним в единоборство. «За Родину!» — и он со связкой гранат бросается под грохочущие гусеницы. Раздается оглушительный взрыв. И только искореженные, обгорелые куски металла да изуродованные фашистские трупы, валяющиеся близ КП, напоминают о только что перенесенной опасности. Командный пункт полка спасен. А сколько доводилось видеть таких подвигов, не перечтешь!

…В двадцатых числах октября хлынули дожди, холодные, неистовые. Земля сразу превратилась в болото. Но не дождь сам по себе представлял опасность. Холод сильно мучил бойцов. Без ватников, без теплого белья. А тут еще воюй, стреляй, отражай атаки. И вот в один из часов такого ненастья я возвращался из полка майора Чамова в штадив. Знобило, хотелось раздеться, лечь. Вдруг навстречу — Сахно-младший.

— В чем дело? — спрашиваю, видя, что он хочет обратиться ко мне.

— Да вот надумали мы фрица украсть.

— Кто «мы»?

— Я да земляк, он во втором батальоне.

— А как украсть?

— Да просто, как хлынет снова дождь, к немцам подойдем, не слышно будет, да и не видно. И утянем.

План понравился своей смелостью. Однако при одной мысли, что придется возвращаться, мокнуть, мерзнуть, заныли ноги. И я невольно восхищался разведчиком. Он-то не боится физических невзгод, он занят лишь делом.

Направились в землянку — в небольшой, крытый кровельным железом окопчик.

Земляк Сахно, такой же, как и он, великан, заговорил сразу:

— Совсем простое дело — украсть; как начнется ливень, фриц, конечно, в блиндаж, а часовой в палатку.

Идея подходящая. Обосновавшись в окопчике, начал ждать ливня. Он подоспел скоро, дикий, всесокрушающий. Перед окопчиком образовались небольшие озера, и уровень воды в нашей «обители» поднялся. Сахно и боец ушли. Я ждал, ждал и мерз, мерз и проклинал себя за слабость, за то, что не могу забыть о холоде.

Через час разведчики вернулись. Они несли с собой бережно, как драгоценность, завернутого в палатку человека.

— Живехонек, и тузить не пришлось, сам закутался, а мы его еще запаковали, не промок даже.

Весело, то и дело пересыпая свою речь прибаутками, они развернули пленного и потащили его вниз, на КП дивизии.

Гуртьев удивился:

— «Язык»? Но я не назначал поиска.

Я объяснил.

Полковник на минуту задумался, потом повернулся ко мне и сказал:

— Впредь, капитан, прошу не партизанить, поиск необходимо согласовывать.

Привели пленного. Полный, с одутловатым красным лицом, он имел смущенный вид. Вероятно, он до сих пор не мог понять, как попал к нам. Гуртьев допрашивал его долго. Пленный охотно отвечал на все вопросы. Я смотрел на его железный крест. А все же как разгадать загадку? Почему в бою фриц дерется как тигр, стреляет до последнего патрона, а вот обезоружили — и превратился в барана? Когда гитлеровца увели, я спросил об этом комдива. Он пожал плечами.

— Никакой загадки нет. Фашист борется за вполне конкретные блага, он только разбойник новой формации. Он алчен, вороват, им движет жажда обогащения. Победа в его представлении ассоциируется с всемирным грабежом. И конечно, он больше всего дорожит собственной шкурой, а раз он эгоист, то что же ему делать в плену? Ясно, покориться. Хоть малое, а заработаешь.

Затем, вызвав Сахно, полковник приказал привести земляка. Разведчик побежал выполнять приказ и вскоре вернулся со своим товарищем.

— Раздевайся, браток, я приготовил тебе сухое обмундирование и обувь, — сказал Гуртьев и, когда боец переоделся, угостил ужином.

— Водки выпей, — приказал он, наливая гостю сто граммов, — тебе полагается.

Когда боец поужинал, полковник разрешил ему отдохнуть у разведчиков.

— Дозвольте обратиться, товарищ полковник, — отвечал земляк, — если можно, отпустите в часть. Погода будто поправилась, как бы немец не перешел в атаку, у нас же совсем мало народу в роте.

«Да, — подумал я, — вот это настоящий человек!»

…Небольшое наступление наших подразделений, продвижение вперед на двадцать — тридцать метров заставили гитлеровцев несколько ослабить напор по всему фронту нашей дивизии. Теперь они занялись вытеснением нас из захваченного дома. Но именно здесь сибиряки оказали сильное сопротивление. Полуразрушенное здание — часть священной сталинградской земли, которую нельзя отдать.

Но через дня два мы все же отдали и этот дом. Враг слишком нажимал. Он даже нарушил свое расписание, атаковал и ночью, и на рассвете.

Командиры полков просили подкрепления, а комдив продолжал «доить» тылы, но, увы, теперь «удой» был слаб. Об этом говорилось на одном из совещаний на КП дивизии. Помню, как сейчас, это совещание. Несмотря на трудное положение, командиры полков спокойно докладывают обстановку. Вот очередь доходит до майора Чамова. Он худощавый, среднего роста, с мохнатыми бровями, серыми глазами, подвижной. Руки все время в движении. Чуть сутулясь, он хмурится и, резко проводя рукой по своим и без того гладко зачесанным назад волосам, сообщает о потерях. Они не так уж велики, вчера выбыло из строя тридцать человек, но, когда сотня осталась, такой урон громаден. Чамов не делает вывода, но вывод напрашивается сам собой: передовая редка, как бы не просочился враг. Гуртьев слушает, а потом возражает. Его довод один — особенность сталинградского воина.

— Наши бойцы прекрасно освоили тактику городского боя и поняли его идею. Инициатива — вот характерная черта каждого из них, она проявляется в любой, даже самой незначительной стычке. Держаться можем, — утверждает он.

Все понимают — правильно. Но… командиры полков разочарованы. Они убеждены, что у Гуртьева в резерве батальон. На это они надеялись, идя на совещание. Всем казалось, полковник скажет: ладно, дам по роте, а если даст — отлично, можно будет усилить обескровленные части.

Нет, командир дивизии ничего не дал. Да и не может дать.

— А знаете, — неожиданно говорит Гуртьев, — пожалуй, хорошо, что нас мало. Я верю, готовится кулак, который обрушится на немцев. А пока пусть враг думает, выдохлись, мол, русские. Да! Иначе и быть не может, — говорит он уверенно, — не обезлюдела же Россия. Если нам скупо дают пополнение, значит, оно необходима для прорыва фронта, окружения, разгрома противника.

Сколько раз после я вспоминал эти пророческие слова, но в ту минуту рождались сомнения. Окружить такую громадную

силу? А все же ответ комдива поднял настроение, и мы как-то приободрились. Логика слов действовала. В самом деле, раз не пополняют такой важный участок, как сталинградский, значит, с умыслом. Вспомнились рассказы возвращающихся из тыловых госпиталей раненых, они утверждали: позади — войск тьма-тьмущая.

Но командир дивизии уже говорил о другом.

— А о пленных, майор, вы не думаете. Почему их не берете? Они ведь нам необходимы, — спросил Чамова комдив.

— Думал, — ответил майор. — План у меня есть. Разрешите доложить?

Полковник кивнул головой. Он слушал Чамова с интересом, чуть приподнимаясь в кресле. Теперь глаза Гуртьева как-то особенно оживились. Комдив любил, когда подчиненные проявляли инициативу.

— Да, рискованно. Очень рискованно. А вы уверены, что пленные будут? — наконец спрашивает он.

— Уверен! И пленные, и большая неприятность противнику. Он много солдат потеряет.

— Хорошо, выполняйте. Только еще раз продумайте все детали, — соглашается полковник.

Меня прикомандировали к Чамову на время боя. Вернувшись к себе, майор тотчас же вызвал командира взвода младшего лейтенанта Рябинина. Взглянув на него, Чамов спросил:

— Письмо от жинки получил?

— Получил, товарищ майор.

— Как дома, благополучно?

— В порядке, товарищ майор.

— Да я и по тебе вижу, что в порядке. Будешь писать — передавай привет.

— Спасибо, товарищ майор. — Рябинин улыбнулся, вероятно вспомнив что-то хорошее, родное. Слова командира полка согрели его. Быстрым движением головы он откинул назад свою черную шевелюру. Чамов превосходно знал бойцов и командиров своего полка, был в курсе их домашних дел, он умел поругать, а когда надо и утешить; знал он также, что Рябинин ушел в армию на другой день после свадьбы и грустит, когда жена долго не пишет.

— А теперь поговорим о войне, Степан Тимофеевич, — сказал Чамов, и его лицо сразу стало серьезным, — дело предстоит нелегкое, а от его выполнения зависит многое.

— Я слушаю, товарищ майор, — отвечал командир взвода.

Рябинин страдал застенчивостью. Он всегда предпочитал молчать, и со стороны можно было подумать, что ему сказать

просто нечего.

Ближайший к противнику окоп находился в нескольких десятках метров от заводской стены. Выгодность этого окопа заключалась в том, что он не просматривался ни с одного гитлеровского наблюдательного пункта и не простреливался. В то же время амбразуры позволяли держать гитлеровцев под неослабным контролем. Окоп обороняли трое бойцов. Они постоянно были начеку, зная, что малейшая оплошность — и конец, захватят немцы. А тем, конечно, нужен был такой великолепный наблюдательный пункт.

Наши пулеметы противник старался подавлять танками. И отнюдь не по соображениям военной тактики. Брать танками окопчики невыгодно. Просто на нашем участке гитлеровцы потеряли терпение. Они шли напролом, лишь бы сломить хребет упрямым сибирякам. Паулюс прекрасно знал, как обескровлены наши части, как мало у нас сил. Вот и решил во что бы то ни стало сбросить 62-ю армию в Волгу, и в первую очередь дивизию Гуртьева. А потому ни техники не жалел противник, ни людей. Чамов решил устроить ловушку, воспользоваться тактическими ошибками врага. Он задумал смелое дело, даже очень смелое. Ведь в случае прорыва отступать некуда, позади Волга…

Утром по фронту полка не стреляли. Молчание это, вероятно, встревожило гитлеровцев. Они едва-едва поддерживали огонь, а вскоре притихли.

Молчание передовой действует одинаково гнетуще на обе стороны. Жутко становится.

— Значит, скоро ударят, — сказал Чамов, поглядывая в стереотрубу, — обязательно ударят, — и губы майора сжались, он весь напрягся, словно самому предстояло отражать атаку.

Вдруг — выстрел. Вначале один, затем другой, затем третий. Это Рябинин, занявший окоп, о котором выше шла речь, открыл огонь.

Невольно представил себе состояние младшего лейтенанта. Нелегко вступать в единоборство с целым полком. А своими выстрелами он как бы приглашал к себе врагов.

Чамов нервничал. Судьбу боя решал вопрос: клюнут ли фашисты на живца? Ударят ли они по окопчику? Если ударят — отлично, иначе дело плохо.

Минута, другая — ничего. Противник притаился, — возможно, он ждет атаки. Чамов не сводит глаз с окопа, а оттуда по-прежнему с интервалом в полминуты: пах, пах, пах…

Теперь бездействие гитлеровцев непереносимо. Чамов покраснел и вытер платком обильно струившийся по лицу пот. А погода нежаркая. Октябрь выдался на редкость холодный, ветер

прямо царапает щеки.

Внезапно майор улыбнулся.

— Как? — спросил я его.

— Танки. Два танка ползут на Рябинина.

И началась дикая трескотня. Казалось, вся огневая мощь гитлеровцев обрушилась на засевшего в одиноком окопчике командира. Снаряды так и пашут вокруг.

— Здорово, ни одного прямого попадания, — шепчет майор.

Да разве в прямом попадании дело? Не выдержал, высунулся из своего укрытия. Вижу: танки уже у самого окопа. За танками — гитлеровцы, бегут, кричат.

Заговорили противотанковые ружья. Из-за Волги зарычали «катюши». Танки вспыхнули. Фашисты побежали. Не все, конечно. Человек пятьдесят остались на поле боя. Одни раненными, другие убитыми. Двое просто попадали от страха.

Наша быстрая контратака — и противник отбит. Теперь он притаился у себя на передовой, ожидая нашего наступления.

Я занялся пленными. Один танкист, один пехотинец. Танкист, потерявший дар речи, пехотинец, наоборот, болтливый. Он клянется и божится, что лишь неделю, как прибыл из тыла. А прежде стоял в оккупированной Франции.

— А как во Франции?

— Хорошо. Сытно, спокойно, не то что у вас.

— А как в Германии?

— В Германии… — он озирается по сторонам, как бы кто не подслушал.

— Не бойтесь, агентов гестапо у нас нет.

— В Германии плохо, все устали. Да и не дают жить бомбежки.

Он выглядит обывателем, которому действительно надоела война.

То, что он говорит, возмущает. Значит, и сейчас гитлеровцы свои войска перебросили из Франции. Вот тебе и второй фронт! Вот тебе и боевое содружество! Вспыхивает острая ненависть против «союзников». Что ждут они, чтобы мы… Вспоминается одна из бесед с Гуртьевым: «Просчитаются, черти, ей-богу, просчитаются. Уверены: мы обезножим, а выйдет наоборот, ей-ей, наоборот. Окрепнем от войны, кончим ее в Берлине и придем туда прежде, чем бизнесмены».

«Окончим войну в Берлине» — как успокоительно звучат эти слова даже в сталинградском пекле.

С танкистом труднее. Он долго мямлит невразумительное. К тому же танкист саксонец, и его язык понять нелегко. Меня же интересует, чем окончился наш артиллерийский налет на

Красные казармы, много ли машин выведено из строя.

— Ладно, — решаю, — договоримся на КП.

«Братья» Сахно ведут пленных вниз, к штольне. Танкист не на шутку испугался. Верно, думает: помолчишь, помолчишь — и расстреляют.

— Господин капитан, господин капитан, — слышу я его истошный крик, — я буду говорить.

Я не отвечаю. Пусть себе трусит. У входа в штольню спрашиваю:

— Ну как, будешь говорить?

— Буду, господин капитан.

Допрос оживляется. Узнаю: дивизия потеряла четверть своих машин.

— А настроение солдат?

В ответ полное досады подергивание плечами:

— Какое там настроение. Обещали легкий поход, увеселительную прогулку, а тут, пожалуйста. Сталинград — город смерти.

Верю, жалоба искренняя. Обманули, подло обманули бандита. Посулили безопасный грабеж, а вместо мешка добычи — решетка.

Докладываю Гуртьеву. Тот весело кивает головой и звонит Чуйкову. Судя по ответам, вижу: командарм тоже доволен.

— Спасибо, — говорит комдив.

Невольно пожимаю плечами:

— За что? Идея-то чамовская.

— За то, что сумели заставить говорить пленных. Для нас очень важно знать, что думает враг. Не только сам Гитлер, а его подданные. Знать, наступил ли тот роковой перелом, который решает судьбу войны.

— А вы предполагаете, что наступил? — спрашиваю я комдива.

— Конечно наступил. Танкист законно разочарован: обещали и надули, и не только надули, а и в плен сдали.

Через час идем на наблюдательный пункт. По пути попадаем под минометный налет. Все падаем: мы — быстро, а Гуртьев — медленно, нехотя.

Когда встаем, замечаю:

— Нельзя так, товарищ полковник, убить вас могут.

— Не убьют, — уверяет он и тихо, мне одному: — Бойцы должны верить, что их командир ничего не боится. Авторитет начальника должен стоять на недосягаемой высоте. А вы думаете, я лишен страха? Нет, конечно. Главное, уметь владеть собой.

День проходит в заботах, в беготне, вечером иду на КП штаба

армии.

В разведотделе на меня сердиты. Так уж испокон веков заведено. Я сержусь на начальников разведки полков, считая, что они мало берут «языков», и искренне сержусь, ведь кому-кому, а полковым легче просочиться в расположение врага; в штабе армии те же претензии предъявляют мне, а в разведотделе фронта наверняка недовольны разведотделом армии. Это понятно. В нашем деле не всегда удается действовать достаточно хорошо. Впрочем, на «хорошо» мне не дотянуть: людей нет. Сейчас в разведроте осталось пять человек. Остальные либо погибли, либо ранены. Несмотря на строжайшие приказы, «глаза дивизии» воюют, иначе невозможно. Передовая превратилась в нечто весьма условное. Чем больше редеет в ротах, тем легче просочиться гитлеровцам. На обычном языке войны это означает: противник имеет все условия для истребления переднего края.

Как бы не так, истребить не удается. Сталинградский солдат особенный. Он воюет за десятерых. Группа в пять — шесть человек, попав в окружение, не впадает в панику, но атакует. Наши солдаты в минуты опасности не теряются, не слабеют, а набирают силы. Вот почему мы держимся, вот почему мы уверены в победе.

* * *

КП штаба армии располагается на таком же расстоянии от противника, как и штабы дивизий, а штабы дивизий лишь на несколько десятков метров дальше командных пунктов полков. От командного пункта полка до наблюдательного пункта батальона тоже полтора десятка метров. Вот и воюй.

Наш разговор в разведотделе армии прерывает связной. Вызывают к начштаба армии.

Генерал-майор Крылов сидит за столом и правит гранки армейской газеты.

— Сейчас освобожусь, а пока садитесь и прочитайте, — говорит он, пододвигая ко мне одну из гранок.

Тут же сидит и командарм Василий Иванович Чуйков.

Ого, что-то совсем новое — устав штурмовых групп. Интересно, очень интересно. В коротких суворовских выражениях новый устав учит технике боя в городе. Учит: ворвавшись в занятый противником дом, если дверь заперта, ломай ее и бросай гранату, увидав немцев, строчи из автомата и т. д.

— Ну как? — спрашивает Чуйков.

— Отлично, как раз то, что надо.

— Тогда спасибо, значит, недаром занимались сочинительством.

И командарм начинает расспрашивать. Отвечаю, в подразделении большие потери.

Мы, то есть работники штадива, в душе уверены, Чуйков скупится, ему ничего не стоит дать нам, скажем, тысячу человек пополнения. Впрочем, о тысяче мы только мечтаем, но сотню-то, другую подкинуть можно.

Василий Иванович слушает и кивает своей большой головой. Ясно, мол, ясно. Затем расспрашивает о немцах.

— Сломалось у них?

— Что сломалось, товарищ генерал-лейтенант? — переспрашиваю я.

— Да воинственное-то настроение. Небось уже не верят в победу?

— Да, как будто сломалось, несомненно сломалось, но мы-то истекаем кровью.

Чуйков не обращает внимания на эти слова. Он разъясняет, какой переворот в боевых действиях создаст организация штурмовых групп.

Ночью возвращаюсь назад. Над КП штаба армии нет осветительных ракет, этим куском берега в районе нефтесиндиката гитлеровцы не интересуются. После конца обороны мне довелось присутствовать при допросе начальника гитлеровской авиации фон Даниэля, сурового вожака фашистских стервятников.

— Разрешите обратиться? — вдруг попросил он.

— Пожалуйста.

— Где стоял в дни боев штаб армии? Конечно, в Красной Слободе?

— Что вы, под нефтесиндикатом.

Каменное лицо фашистского служаки сразу вздрогнуло и покраснело.

— Неужели?! — воскликнул он. — И мы, дураки, не разбомбили берег!

В голосе его прозвучала нескрываемая досада, и от этого он стал каким-то особенно ненавистным.

— Впрочем, многого мы недосмотрели, — проворчал он, — армий ваших недосмотрели, верили: все у вас тут, а за спиной пусто…

…Рассвет. Мы на позициях «хозяйства Кушнарева».

Ясное, пронизанное солнечным светом утро. На небе ни тучки. Тишина. Воздух неподвижен.

Сейчас «антракт». Он длится недолго. Гитлеровцы

завтракают, а когда завтракают, то не стреляют. И даже не верится, что через пять — десять минут воздух наполнится грохотом, а снаряды опять начнут перепахивать и без того вспаханную ими землю.

Гуртьев приник к объективу стереотрубы.

— На высоте сто тридцать восемь, обратите внимание, товарищ полковник, появилось два фашистских генерала в парадной форме, — подсказывает наблюдатель лейтенант Разделов.

Комдив долго смотрит, а затем возмущается:

— Нахалы, какие нахалы, ходят, как индюки.

Несколько минут он наблюдает за странным поведением незнакомцев, затем отдает короткое распоряжение артиллеристу. Тот сразу кидается к полевому телефону и кричит команду в трубку.

За дни боев каждый метр территории противника пристрелян. Минута — и снаряды падают на высоту 138. Там рождается песчаный вихрь. И… ничего не видно.

— Однако чем объяснить появление гитлеровцев в парадной форме?

Вопрос задан мне, а я напрасно ломаю голову. Впоследствии выяснилось: в штабе Паулюса принимали приехавших из Берлина гостей, высших офицеров, показывали Сталинград. Туристам не повезло.

Через час — новый сюрприз. Начальник штаба дивизии полковник Тарасов принес взятую у сбитого фашистского летчика карту. Карту Сталинграда. На ней весь город разделен на квадраты, некоторые из которых закрашены в черный цвет. Изучаем. Догадываемся: черные квадраты — это места, уже обработанные фугасками. В штабе Паулюса, видимо, сидят педантичные плановики, стремящиеся добросовестно уничтожить город.

— Значит, каждый уголок на примете, бомбит аккуратно, не растрачивая добро впустую, — констатирует Гуртьев.

Карта пригодилась. Ее передали в штаб армии, и впредь старались размещать склады с боеприпасами и санбаты в местах, затушеванных на карте. Немецкая точность оправдала себя. Разрушенное вторично почти не бомбили.

На следующее утро мы снова с комдивом на НП. Он уже почти окончательно переселился сюда из штольни. Чем меньше в полках народу тем горячее бой. Гуртьев осунулся, но по-прежнему неутомим.

Сейчас, поудобнее усевшись на наблюдательном пункте, полковник следит за горизонтом.

— Смотрите, — говорит он наблюдателю.

Тот пока ничего не видит.

— Да нет же, смотрите, — повторяет он, указывая рукой на южную часть неба.

Через несколько секунд там нарождаются точки, словно мошки. Знаем мы этих мошек!

— Ну и глаза у вас, товарищ полковник, — хвалит наблюдатель.

— Таежные, — бросает Гуртьев, — думаешь, легко белке в глаз попасть? Ого! — восклицает он, согнувшись, сосредоточившись. — Да их больше полусотни.

Бомбардировщики приближаются.

— «Что жизнь твоя», сказал Омар Хайям, Ю-87 — и все летит к чертям, — декламирует оказавшийся поблизости приехавший с того берега Волги корреспондент редакции дивизионной газеты.

— Действительно, к чертям. Но куда же они жалуют?

«Юнкерсы» совсем близко, уже доносится их отвратительный, завывающий гул.

— Соединить меня с Чамовым, — приказывает комдив, угадав направление воздушного удара.

— Майор, птички по вашу душу летят, — сообщает командиру полка Гуртьев и сжато излагает план предстоящих действий.

Заход. Фугаски рвутся в расположении «хозяйства Чамова». Снова заход, снова фугаски.

— Капитан, к Чамову, помогите майору, — приказывает мне комдив.

Так всегда, в опасную минуту штабные работники командируются в полки.

Но одно — отдать приказ, другое — его выполнить. Самолеты сделали заход и ушли, чтобы вернуться снова. В интервалах между налетами надо бежать вперед. Не удалось: у самого полка я принужден залечь. Тут гитлеровцы надели своеобразную шапку-невидимку на свои боевые порядки. Их маскировщики зажгли дымовые шашки. Землю окутали черные тучи.

В окопчике, в котором я очутился, сидели знакомые: сержант Багров, кряжистый, неразговорчивый омич, и ефрейтор Верховов, парикмахер из Красноярска, общительный, веселый.

Спрятавшись в своем укрытии, товарищи беседовали как ни в чем не бывало.

— Снова шутит фриц, и как ему не надоест. Неужели напугать думает? — недоумевал Верховов.

— И напугает, как попадешь в такую темень, — буркнул Багров.

— А ему разве легче? Небось не весело наступать с завязанными глазами, — возражал бывший парикмахер.

— Его больше, нас меньше.

Верховов даже занялся смазыванием рук: пальцы его всегда кровоточили. Старая профессия оставила свой след на их коже, белой, мягкой, совсем не подходящей для нынешних условий.

Но в остальном ефрейтор — уже бывалый воин, понимающий многое.

— Значит, как только дым подойдет к нам, танки бросят, — решил он и, сняв с пояса гранату, положил се около себя.

— Кабы только танки, танки — пустое, пехота…

— Не дойдет, на мины нарвется. Да и не допустят, артналетом накроют. А танки — чепуха.

Разговор обычный, фронтовой. Слушаешь и поражаешься, как хорошо эти два в недавнем прошлом совсем мирных человека освоили военный лексикон и получили представление о технике боя.

Беседу прервали самолеты. Яростно взмыв, они бросились в пике. Я смотрел на фугаску, падавшую, как казалось, прямо на голову, и переживал странное: верилось, твердо верилось, подарок не для меня.

Хрясь, бух. Окопчик основательно присыпало землей.

— Словно из пульверизатора. Смотри, какая мелкая, — как ни в чем не бывало шутил Верховов.

— Спасибо за пульверизатор, — ворчал Багров.

Но в общем ни тот, ни другой не испугались.

Я выскочил было из окопа, решив проползти на КП полка. Куда там! Сразу над самым ухом: «жиг», «жиг», «жиг».

— Нельзя, товарищ капитан, нельзя, убьют насмерть, — рассудительно заметил Багров.

— А мы сейчас, верно, сами в атаку пойдем. Так ведь ловчее. Фриц собрался к нам, а мы ему в грудь, — заметил Верховов.

А дым стелется по земле. Он уже подходил к окопчику, когда бомбардировщики развернулись и снова сбросили свой страшный груз. Черные вихри понеслись по передовой. Разрывы слились в один сплошной грохот. Я сжался в комок, а бойцы продолжали спокойно сидеть.

— Ложиться опасно: если засыпет, не встанешь, — не то в порядке совета, не то с укором заметил мне Багров.

Дым окутал окопчик, и словно опустился черный занавес. Даже небо показалось ночным, заводские трубы и те скрылись.

Вдруг со стороны КП полка взвились веером три красные ракеты.

— Вперед! — раздался крик.

— Вперед! — заревел Багров.

— Вперед! — тонко, фальцетом поддержал его Верховов, и оба исчезли в направлении фашистских окопов.

План Гуртьева — предупредить вражескую атаку своей.

Я бросился на КП полка, к новому КП. Он обосновался в бетонированном подвале. Перемещение произошло быстро.

— Здесь «юнкерс» нам не опасен, — заметил Чамов.

Впереди ясно слышались крики «ура». Атака шла успешно. Гитлеровцев захватили врасплох, и теперь им было не до наступления.

— Как? — запрашивал по телефону комбатов Чамов.

— Отлично, заняли окопы противника, — слышалось в ответ.

Полк продвинулся вперед на пятьдесят метров.

Через несколько минут к КП полка подбежали три гитлеровца и, спрыгнув в подвал, остановились в смятении. Оказывается, они перепутали направление, не к своим, а к нам попали. Их обезоружили.

Пленные! Я безумно обрадовался, начал их расспрашивать. Но нет, ничего не получалось. Слишком уж ошалели непрошеные гости.

А донесения от комбатов продолжали поступать, радостные донесения.

— Занял пункт «Б», продвигаюсь с боем, — сообщали из первого батальона.

— Веду бой на уничтожение в цехе номер три, — извещали из третьего.

Самолеты тем временем развернулись и стали опять бомбить. Чамов наблюдал уже с нового рубежа, как методично и жестоко фугаски разносят в пух и прах прежние позиции полка, сравнивая с землей и окопы, и траншеи, в которых уже не было ни одного нашего бойца.

В этом-то и заключалась своеобразная тактика Сталинградской битвы: спасайся от самолетов противника во вражеских окопах. Операция смелая, рискованная. Людей-то у нас меньше, чем у гитлеровцев. Если не пробьешься сразу, ничего не выйдет. Да и заняв окопы, нельзя зевать. Бойцы первого батальона, в частности, заняв новые позиции, очутились среди немцев. Получился как бы слоеный пирог. Наш взвод, а рядом гитлеровцы, дальше снова мы, и снова они. Сейчас победу решала военная сноровка. А ее-то и имели в избытке чамовцы. Бойцы, не дожидаясь приказов командиров, быстро расправлялись с остатками гитлеровцев. Наконец, бой окончен, и командир полка отдает приказ:

— Закрепиться на достигнутом рубеже.

И началось закрепление, переоборудование старых окопов, их ведь следует повернуть в другую сторону, рыть новые. Это очень сложно. Надо создать целый лабиринт ходов сообщения, чтобы маневрировать под воздушными и наземными огневыми налетами. К утру полк прочно закрепился на новых позициях.

ДВОЙНАЯ ИГРА

Из штаба армии к нам в дивизию с секретным оперативным приказом был послан офицер связи младший лейтенант Моргунов. Получив пакет, он двинулся по берегу, но по пути встретился с бойцом, нога у которого была обвязана окровавленными бинтами.

Раненый попросил есть, офицер отдал ему взятый на дорогу кусок хлеба. На этом они и расстались, но не успел армейский связной отойти несколько шагов, как боец выстрелил ему в спину. Моргунов упал и потерял сознание. Боец обыскал лежащего, достал из его полевой сумки пакет, распечатал конверт и заменил приказ другим.

Вскоре в штаб дивизии доставили с трудом передвигающегося раненого.

— Иду к переправе и вдруг вижу, лежит офицер связи, а рядом с ним сумка и автомат. Подобрал все и вот принес.

Раненого усадили, а сумку отнесли к комдиву. Полковник открыл сумку и, найдя в ней пакет на свое имя, распечатал его и прочитал, а прочитав, сильно удивился. Штарм предлагал оставить один из заводских цехов. Зачем?

Гуртьев позвонил Чуйкову.

— Прошу разъяснить мне приказ 043, — попросил он командарма:

— Как 043? Что-то не помню, — раздался голос командарма.

Полковник шифром прочитал приказ, согласно которому объект № 3 следовало оставить, а основные усилия направить к 6, 9 и 17 объектам.

— Кстати, объект номер три есть старый объект номер семнадцать, путаница какая-то, и подозрительная путаница, — добавил Гуртьев.

— А кто вам его вручил? — спросил Чуйков.

— Найден в полевой сумке убитого офицера связи Моргунова.

— Сейчас же доставьте мне этот приказ, — распорядился Чуйков.

Полковник вышел из штольни, чтобы поговорить с раненым, но того и след простыл. Дежурившие у штаба автоматчики сказали, что раненый «поплелся до ветру». Разыскать ушедшего не удалось.

А произошло следующее. «Раненый» зашел в уборную, чтобы через минуту выйти оттуда преображенным, в новеньком ватнике и, конечно, без бинтов. Неузнанный, он прошел в расположение

соседней части артиллерийского полка. Там он разговорился со штабным писарем. Вид безоружного человека сразу обращает на себя внимание на фронте, а потому писарь отнесся к нему подозрительно. К тому же «раненый» допустил тактическую ошибку: похлопав по стволу одной из пушек, он заметил:

— Ну как, еще не вышла из строя?

— А почему бы ей выйти? — обиделся писарь, обиделся, как артиллерист. — Не собираешься ли ты навесить ее себе на шею вместо потерянного автомата?

Не желая осложнять положения, «раненый» стал прощаться, но писарь задержал его.

— Драпануть задумал, стой! — приказал он.

— Я связной, никуда не драпаю.

— Связной или беглый, а шагом марш к командиру дивизии, — приказал писарь и вместе с другими артиллеристами повел «раненого» к Гуртьеву. По пути «раненый» допустил еще одну ошибку: попытался оторвать подкладку с шапки-ушанки. Заметили это, вырвали шапку, под ее подкладкой нашли пузырек с ядом.

У Гуртьева «раненый» сознался, что его послали в наше расположение гитлеровцы, да и сам он оказался немцем.

Хочется сказать несколько слов и о писаре, задержавшем шпиона. Он заслуживает этого.

Некоторые полагают, писарь в штабе — бездельник, у него профессия роскошная. У нас это было не так. Жить в холодном сыром блиндаже, работать при свете коптилки круглые сутки — ужас. Да и не без большого риска занятие. Писарь обязан часто ходить в подразделения, собирать там сведения, следовательно, подвергать жизнь ежеминутной опасности. Да что в подразделения! На кухню тоже надо ходить, а кухня по заведенной традиции — самое горячее место обстрела. Противник заметил скопление народа — и бьет из миномета. Не удивительно, что один трусоватый штабной работник предлагал тому, кто принесет ему суп, свой паек хлеба.

Не таков был наш писарь. Он ничего не боялся и разгуливал под обстрелом вполне свободно. Повсюду приходилось встречать его длинную, качающуюся на ходу фигуру. Бойцы его очень любили. Писарь этот был большим весельчаком. В прошлом он работал в эстраде.

Таким неунывающим он был всегда.

Помню, как-то напоролись мы с ним и двумя связистами на фашистские танки. Танки ринулись на нас, а мы спрятались в подвал ближайшего разбитого домика. Гитлеровцы заметили это и давай кататься над нашей головой. Подвал небольшой,

перекрытие над ним ветхое, потолок трещит, вот-вот рухнет. Но это полбеды, авось не весь провалится, хуже, если ворвутся автоматчики и забросают гранатами. А весельчаку хоть бы что! Смеется, балагурит. Он подпер своей продолговатой головой потолок и кричит:

— Не бойтесь, удержу!

Я невольно расхохотался. А тут наш канцелярист выхватил противотанковую гранату, которую, как и каждый из нас, носил у пояса, и, сделав вылазку, подбил машину.

В другой раз я встретился с ним на палубе катера, переправлявшегося через Волгу.

На середине реки рулевое управление отказало. Пассажиры сильно встревожились. Люди, не боявшиеся в окопах ни черта, оказавшись во власти водной стихии, чувствовали себя неважно.

Механик пытался исправить повреждение, но сам ничего сделать не мог, а его помощник слишком нервничал. Вдруг откуда ни возьмись — писарь.

— Дядя, а дядя, — обратился он с вопросом к помощнику, — скажи, хорошо ли ты играешь на рояле?

Тот вытаращил глаза — дикий вопрос!

А писарь как ни в чем не бывало:

— Если не играешь, то научись, великим пианистом будешь, пальцы-то твои, что мыши от кошки, в разные стороны разбегаются, быстрота, ловкость-то какая!

Помощник посмотрел на свои дрожащие пальцы и — рассмеялся. Теперь уже спокойно, то и дело улыбаясь, он закончил починку.

Погиб наш юморист героически.

К штабу полка прорвался фашистский танк. Сидевших на нем автоматчиков сбили пулеметными очередями, а с самой машиной ничего поделать не могли. Она моталась взад и вперед, давила народ, наводила панику. Тут писарь внезапно вскочил на заводскую стену, а оттуда — на спину стального чудовища, быстро закрыл смотровую щель. Танк завилял. Когда потерявший управление танк, наткнувшись на гору кирпича, остановился, наши бойцы вытащили из-под гусениц раздавленное тело писаря.

А прежде смелым его никогда не считали.

Но вернемся к нашему рассказу. Фашистские шпионы не раз проникали на нашу передовую. Был и такой случай.

…Странно, но даже и в нашем расположении жили мирные люди. Сталинградцы любят свой город и в самых тяжелых условиях не желали расстаться с ним. Своеобразен был героизм этих людей. Живя в подвалах, рискуя жизнью, они не решались покинуть родные развалины и очень гордились этим. Мы

смотрели сквозь пальцы на их пребывание, хотя был строгий приказ переселить всех граждан за Волгу. Каждый боец старался поделиться с этими людьми своим пайком.

В маленьком блиндаже одного из многочисленных оврагов, на участке дивизии поселилась странная женщина. Даже возраст ее не определишь. Замухрышка какая-то. Лицо не то смуглое, не то грязное. Волосы растрепаны, сползают на лоб. Жила одиноко, ни с кем не общаясь.

Как-то утром, выйдя на берег, Гуртьев увидел, как она прямо из Волги набирает воду. В это время подходил катер с бойцами. Вдруг начали падать фашистские мины в реку. Некоторые из них, не долетая до реки, шлепались на землю. Казалось, минута-другая — и катер потонет.

— Бедная, как бы ей помочь, — сказал мне комдив.

Я послал к несчастной разведчика. О чем они разговаривали, мы не слыхали, но поняли одно: она никак не хочет расстаться со своим коромыслом. Напрасно пробовал боец ей помочь — отказывалась. А шла медленно, хотя мин вокруг падало много. Наконец она скрылась в овраге.

— Товарищ полковник, это немая. Проводил ее, а она и говорить со мной не пожелала, — доложил вернувшийся разведчик.

Гуртьев улыбнулся и промолчал.

Бойцы встретили разведчика шутками:

— Ну как, познакомился?

— О, он у нас покоритель молодых сердец!

— Война войной, а он о «красавицах» не забывает.

И долго подтрунивали над ним, как вдруг уже подходивший к берегу катер перевернулся, а ехавшие на нем вплавь стали добираться до берега. Но не все, погиб рулевой.

— Вами все местные жители проверены? — спросил Гуртьев контрразведчика, выделяя слово «местные».

— Да, — ответил тот.

Гуртьев пожал плечами и, обращаясь к нам, заметил:

— А все же не спускайте глаз с женщины, что ходит на Волгу со своими ведрами.

И мы следили.

На следующий день она дважды спускалась к реке за водой и тихо возвращалась к себе. Ничем особенным эти дни не выделялись. Систематическое и добросовестное наблюдение за ней тоже ничего не дало.

— Она плачет все время, и сидя, и на ходу, да в землю чего-то тыкает, — сказал лишь один из разведчиков, которому я поручил эту работу.

Сообщение не настораживало. Плакать в те дни по многим причинам мог человек. Возможно, и она потеряла кого-то из родни. А чем выразить горе, как не слезами? Словом, мы успокоились. Но все же побывали у нее, проверили документы, но ничего подозрительного не обнаружили.

— Бедная глухонемая женщина, и только, — доложил я Гуртьеву.

— Во что бы то ни стало, как только она выйдет к Волге, помогите нести ведра, — приказал он.

Приказ был выполнен. Когда на следующий день она пошла к реке, мои разведчики взяли у нее коромысло и понесли. Немая взволновалась. Разведчик, несший ведра, все время оборачивался, пожимал плечами, при этом ведра у него смешно подпрыгивали. У самого обрыва он резко свернул в сторону и помчался к командному пункту дивизии. А женщина вся съежилась и, что-то мыча, показывала на свое «гнездо». Но отвлечь внимание разведчиков ей не удалось. Заметив, что их товарищ слишком легко бежал с полными ведрами воды, они схватили «немую» и повели на КП. Допрашивал Гуртьев.

— Я ничего не скажу. Можете меня даже расстрелять! — проговорила задержанная по-немецки.

Позже она все же заговорила, и уже по-русски. Сообщила, что заброшена в Советский Союз незадолго до войны. Жила она в Красноармейске. Со своими специально и довольно-таки искусно устроенными ведрами — приемопередатчиком — работала еще до наступления.

— Мы и не догадывались, — нагло заявила она, — что именно вы, Гуртьев, со своим штабом находитесь здесь, на правом берегу Волги. Знай я раньше, вас давно бы уже не было.

— Доставить ее в штаб армии, — приказал комдив.

Вместе с контрразведчиком я повел в штарм шпионку. Метрах в пятидесяти от штольни нас встретил боец Андрей Козырьков.

— Далеко направляетесь? — спросил я его.

— На НП, товарищ капитан. Какие будут указания? — доложил тот, кося глазами на женщину. Вдруг глаза его чуть прищурились, лоб прорезала поперечная складка и он изумленно воскликнул:

— Гражина!

Шпионка вздрогнула и отвернулась.

— Вы знаете ее? — спросил я.

— Так точно, жили рядом, — отвечал Козырьков.

— Меня зовут Бертой Пецольд, — резко возразила «немая».

Берта-Гражина была отправлена в штаб фронта. Меткая прицельная стрельба фашистов по катерам и берегу

прекратилась. Козырьков же рассказал часть истории шпионки.

…В 1939 году, когда гитлеровцы совершали молниеносный марш к Варшаве, многие польские семьи бежали в СССР. Среди них оказалась и Гражина Крючковская. Явившись к советским пограничникам, она со слезами просила принять ее. Просьбу удовлетворили, а затем разрешили поселиться в городе Красноармейске Сталинградской области, где, по ее словам, жила тетка, бежавшая из Польши в 1923 году. Приехав туда, Крючковская разыскала домик, в котором когда-то квартировала тетка, и постучала в дверь.

Открыла старуха.

— Я ищу Ребриковых, — сказала незнакомка.

— А мы и есть Ребриковы.

— Здравствуйте. Вот хорошо! — обрадовалась Крючковская.

Старушка внимательно осмотрела гостью. Перед ней стояла невысокого роста, красивая голубоглазая блондинка. Одета она была в демисезонное светло-серое пальто. В руках небольшой саквояж.

— Ну, здравствуйте, — после осмотра посетительницы сказала Ребрикова, — что хотите от нас?

— У вас на квартире стояла Радульская. Я ее племянница. Нельзя ли и мне здесь поселиться?

Старуха не возражала.

— Что ж, милости просим, как звать-то?

— Крючковская, бабуся, по имени Гражина.

И Гражина поселилась у Ребриковых. Семья Ребриковых состояла из двух стариков — мужа и жены. Муж работал. Старуха скучала, а потому обрадовалась жиличке. Та всячески помогала ей. Начнет Гражина, к примеру, белье стирать и тут же обращается к Ребриковой:

— Матрена Анисимовна, скорей давайте и ваше, заодно помою.

Помогала она и старику. Тот очень любил свой садик. Начнет старик подрезать деревья, а она рядом:

— Осип Кузьмич, давайте помогу.

Пристрастилась Гражина и воду из Волги на коромыслах таскать. Сначала совершенно не умела, потом научилась. И эту работу в дни поливки целиком приняла на себя. Соседи только и знали что хвалили трудолюбивую девушку, ставя ее в пример своим дочерям. Словом, прижилась беженка, совсем прижилась.

Порой Крючковская наведывалась в Сталинград, отвозила письма и получала деньги по почтовым переводам. Правда, извещения о переводах на дом к ней не приносили, так что никто не знал, откуда ей присылают. Впрочем, и не интересовало

никого последнее. Слишком уж хорошее впечатление производила новая жиличка.

Как-то в мае 1941 года старики заметили: Гражина все чаще грустила. Из груди ее вырывались тяжелые вздохи. Ребриковы истолковали это по-своему. Разговор начал Осип Кузьмич:

— А не пора ли нам Гражину выдавать? Не век же одной быть.

— Вот и я говорю, — согласилась старуха.

И у обоих стариков одновременно мелькнула в голове одна и та же мысль. Странно, неразговорчивая Гражина. То ли горе ее надломило, то ли скромная чересчур. А может, и то и другое. Так они в этом и не разобрались. Встал в тупик пытавшийся ухаживать за ней и милиционер Андрей Козырьков. Слушала она его рассеянно, отвечала односложно, а сама никогда вопросов не задавала.

Но однажды Гражина ушла и не вернулась, зато вскоре хозяев вызвали в прокуратуру. Выяснилось: их жиличка — шпионка.

Однако тут началась война, и шпионке удалось бежать. Поезд, в котором ее везли в Москву, был разбит.

Но судьба дала, как мы видим, еще одно свидание Козырькову с Гражиной.

ДНЕВНИК

Стремясь во что бы то ни стало овладеть городом, фашисты решили пробомбить каждый клочок земли, обороняемой 62-й армией. От южной окраины Ельшанки до северных границ Сталинградского тракторного завода они по карте разделили весь город на квадратики, проставив внутри каждого порядковый номер и дату разрушения… И вот ежедневно один за другим поднимаются в воздух от пятидесяти до ста самолетов. Над очередным квадратиком они разворачиваются, пикируют, и, пусть это даже совершенно голый клочок земли, на него с бессмысленной методичностью падают сотни разнокалиберных бомб. Но и эта тактика не принесла им успеха. Советские войска бесстрашно применяли все виды наземного оружия против воздушных пиратов. И не один фашистский ас нашел себе могилу на облюбованном им квадратике.

…Монотонно пищит зуммер в штабе дивизии. Комдив подходит к аппарату.

— Товарищ полковник, — докладывает майор Чамов, — ваш приказ выполнен. Полк в полной готовности находится на новых боевых позициях. Жду указаний, — и после небольшой паузы чуть дрогнувшим голосом он добавляет: — Разрешите похоронить товарищей?

— Разрешаю, — коротко отвечает Гуртьев. — Закрепляйтесь. Рубеж не сдавать. Представьте список особо отличившихся.

Фашистские самолеты, отбомбившись, улетают восвояси. Наступает небольшая передышка. Воспользовавшись кратковременным затишьем, мы вместе с командиром взвода связи Хамицким выходим из штольни подышать свежим воздухом. Хамицкий — молодой, стройный, довольно красивый командир, страстный любитель чтения. Впрочем, он не только любит читать, но и пересказывает прочитанное, и, надо отдать справедливость, делает он это хорошо. Причем иногда так увлекается, что вообще перестает обращать внимание на происходящее, будь то артналет или бомбежка. Но книг нет на передовой, времени тоже нет, и Хамицкий больше мечтает о своих любимых книгах, чем читает. Сегодня у моего друга праздник. В руинах он нашел томик Пушкина. Томик грязный, весь в песке, но что с того, Хамицкий не расстается с книгой.

— Десятый раз, вероятно, читаю об Онегине, и каждый раз с новым увлечением, ибо нахожу в каждой странице новое. Какая глубина, как четко нарисованы образы! Живые люди встают с каждой строчки, настоящие живые люди.

Вдруг нарастающий вой… Над головой проносится дальнобойный снаряд и разрывается где-то за Волгой.

— А сегодня на стихи потянуло, — продолжает Хамицкий и достает из кармана потрепанный, почерневший томик. На корешке еще сохранилось несколько блестков позолоты. Связист любовно поглаживает обложку:

— Александр Сергеевич!

Раскрывает книгу на месте, заложенном газетной полоской.

— Смотрите, хорошо как:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья…

Кажется, знаешь это даже наизусть, а читать все равно не устаешь. И как странно звучат в наших местах слова: «Приют спокойствия», у нас, где ни на минуту…

Впереди лопается мина. Затем еще одна, но уже сзади.

— Сейчас накроет, скорее! — хватаю за рукав любителя литературы. Мы отбегаем в сторону и падаем. И вовремя: третья мина рвется почти там, где мы только что стояли. Минометный обстрел усиливается.

— Ну, подышали свежим воздухом, теперь можно и до дому, — говорит Хамицкий, возвращаясь в штольню.

На КП, как всегда, по горло работы. У Хамицкого своей, у меня своей. Вчера получил кучу писем, не личных, нет, а немецких, взятых у убитых гитлеровцев. Читаю их внимательно, авось найду что-нибудь интересное. Увы, все обычное, серенькое. Закончив с письмами, иду в блиндаж к разведчикам. Подходя к нему, слышу дружные взрывы смеха, затем слова:

— Ну а с виду они какие, из себя-то?

— А ты газеты до войны читал?

— Ну а как же. Только они приходили к нам с опозданием. Заимка наша очень уж далеко стоит от Красноярска.

— Тогда ты и в самом деле несчастный человек, — прозвенел чей-то третий голос, — в опоздавших газетах ничьих портретов не печатают.

В блиндаже раздался смех и затих.

«Войти или подождать? — колебался я, доставая папиросу. — Оно, конечно, подслушивать нехорошо. Но и войдешь, стеснишь ребят. Подожду чуть».

А в это время кто-то:

— Я-то их, ясное дело, не по газетам, а лично на нашем фронте видел.

Тут уж я догадался. Этот «кто-то» был белобрысым

Степановым, который до прибытия в дивизию нес службу при штабе фронта. Безобидный хвастунишка, но такой рассказчик, что, слушая его, порой никак не обнаружишь грани между былью и выдумкой.

— Чего же ты, на специальном поезде встречать их выезжал? И они за ручку с тобой здоровались или как? — раздался голос первого собеседника.

Снова взрыв смеха.

— Не любо, не слушай, а брехать человеку не мешай, — наставительным тоном вмешался Сахно-старший. Я сразу узнал его голос.

— Стою я это в тот день на посту, — продолжал Степанов, — смотрю, а они рано-рано утром выходят из блиндажа. Василевский-то высокий такой, складный, в галифе, а сапоги на нем, я вам скажу, в жизни не видал таких, ну просто загляденье. И когда он их только в такую рань начистить успел! И тут же рядом товарищ Хрущев. Но вот одет во что, ей-ей, не помню. Кажется, в кителе. Глянул кругом, а потом на меня…

— И наверное, тебе сказали: какой герой перед нами, — скороговоркой подхватил первый голос.

Все прыснули. Степанов, когда он сам рассказывал что-нибудь, пусть хоть самое комичное, никогда не смеялся. Опустит вниз глаза и терпеливо ждет, а стихнет смех, спрячутся улыбки у слушателей, он вскинет кверху свои красивые длинные ресницы и как ни в чем не бывало продолжает развивать перед товарищами дальше намеченный им сюжет. Так случилось и сейчас.

— Взгляд у него уж очень памятный. Так и лезет тебе в самое нутро. Такого скоро не забудешь. Только глаза у Хрущева не строгие. У Василевского — куда там, и не подступись. Сплоховал я: на караул им не взял. До сих пор ругаю себя. Видно, из-за ихних взглядов растерялся малость. И чего они на меня смотрели — сам не знаю.

— Наверное, посоветоваться хотели с тобой, как лучше наступать на фрицев, — заговорщическим тоном заявил третий.

Я не стерпел и, тоже улыбаясь, вошел в блиндаж. Все вскочили со своих мест, но смеяться продолжали.

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь.

— Товарищ капитан, разрешите за обедом отправиться, — моментально обратился ко мне Степанов, — а то повар предупреждал вчера, если опоздаем еще раз, не даст. — И надо же было быть таким находчивым! Смыться решил.

— Идите, — разрешил я, — но имейте в виду, что мне тоже пришлось быть сегодня невольным слушателем вашего рассказа.

Степанов, чуть покраснев, с котелками выбежал из блиндажа.

Он ушел, и все как-то изменилось в блиндаже: смех исчез, заговорили о деле, о предстоящем поиске.

В дверь постучали.

— Разрешите?

— Пожалуйста!

Вошел Козырьков. И без того немного сгорбленный, он на этот раз выглядел настоящим стариком. Руки, когда он не стоял по стойке «смирно», висели точно плети.

— Что с вами, Козырьков? — удивился я.

— Ничего, ходил по заданию, неудачно. Перед товарищами стыдно. Можно было бы и не стрелять… Я сам знаю. Поторопился. Немец-то перебегал к нам. Не обдумал… Но, — он весь подался вперед, ноздри у него расширились, а с губ, казалось, так и не может сорваться то, что он хочет сказать, они чуть вздрагивали, — верьте мне, я не подведу.

После такого заверения мне оставалось про себя закончить его мысль: «Вот честное пионерское». Зато от сердца сразу отлегло. Раз человек так сильно переживает свой промах, в следующий раз он ни за что не ошибется.

— А это что у вас? — спросил я, взглянув на его руки.

Козырьков протянул мне большую тетрадь в кожаном переплете.

— Хорошо, оставьте. Можете идти.

Передо мной лежал дневник одного из незадачливых гитлеровских вояк. Среди записей с подробным описанием зверских расстрелов советских людей по маршруту движения 294-й пехотной дивизии встречались даты, связанные с наступлением этого соединения на Сталинград.

> «18.8.42. Вот и Калач. По-русски это хлеб. Значит, хлебный город. Хорошо. Сталинград встречает нас хлебом. Фюрер никогда не обманет. Конечно, мы у Калача несли потери, но что поделаешь? В конце концов, земля должна удобряться хотя бы периодическими войнами. Славян на мой век хватит. Слава богу — жив я.
>
> 28.8. Мы подошли вплотную к Сталинграду. Что за чертовы степи! Песок ест глаза. Говорят, дивизию бросят на главное направление. Идиотство. В Бордо мы тоже оказались в авангарде и из-за этого потеряли целых десять человек. Почему же и теперь очередная десятка должна погибнуть?
>
> 1.9. Сегодня отправил Элизе сразу три посылки. Генрих отдал мне свой квиток. Второй взял у Фридриха. Он ему на том свете все равно не нужен. Жаль, что

прекратили отпуска. У меня уже организовано столько чемоданов, что приходится распределять их по друзьям. Не дай бог, если кого-нибудь из них убьют.

15.9. Мы у так называемого Мамаева кургана. Вокруг творится ужасное. Это уже не курган, а кладбище. Красным здесь капут. Где-то я читал, что Наполеон перед Москвой тоже стоял на какой-то возвышенности. Ему не посчастливилось. Но ведь тогда не было фюрера! Хайль Гитлер! Германская машина работает бесперебойно…

28.9. Проклятые штабисты! Неучи! Боже мой, что происходит! Где же благоразумие? Нас давно пора отвести назад.

30.9. Фюрер обещал Сталинград. Когда-то он говорил, что Германия и Австрия — это одно и то же. Так и вышло. Потом он бросил свой взгляд на Европу. И мы покорили ее. Но откуда у русских столько артиллерии? Говорили, что она разбита…

1.10. Странно, почему-то топчемся на одном месте. А на этом несчастном кургане снова красный флаг… Настойчиво утверждают, что перед нами новое укрепление. Черт бы побрал проклятые «катюши»! Куда же девался у русских их хваленый гуманизм?

15.10. С питанием стало плохо и в обозе. Проклятие! Сидеть у Волги и быть без воды.

17.10. Так я и знал. Пропали мои три чемодана. Нет, к свиньям собачьим! Нынче даже друзьям нельзя верить. Я сам видел, как Ганс жевал сыр. Откуда он взял его? Паек не выдают вот уже три дня. Значит, это из моих чемоданов. Какое нахальство! Я сам терплю, не желая показывать им, что мне до старости всего хватит, а они!.. И какой это дурак выдумал фанеру? Ползучие машины, русские ночные истребители ухитряются безнаказанно жалить нас по целым ночам. А в штабе сидят безмозглые дегенераты, они не в состоянии обеспечить нам спокойное небо хотя бы ночью.

20.10. С передовой вереницей тянутся раненые. Матерь божья, сохрани меня здесь. Поймал собаку, неказистая. Лежала под забором, засыпанная щебнем. Но когда стол пуст, и гнида — блюдо. Карлу тоже повезло, он сумел организовать кошку… На нашем участке какое-то светопреставление. Сегодня многих из обоза перевели на передовую.

3.11. Собака съедена. Получается война из-за глотка воды. Это просто ужасно… Да что собака, что вода! Тут

светопреставление, тут ходячая, летающая смерть! И меня на передний край, в самую кашу… Нет-нет, лучше сразу умереть… А что, если попытаться? Ведь не расстреляли же «они» Ротмана! Говорят, он даже выступал. В репродукторе ясно слышали его голос…»

На этом дневник обрывался.

Перебежавший на участке дивизии Гуртьева Курт Шнейдер представлял собой жалкое и противное зрелище фашистского зверька образца 1942 года, раненое, голодное, истерично рыдающее существо.

Разведчик Козырьков ошибся. Курт Шнейдер был только ранен.

…Но силы-то иссякали, наши силы, гуртьевские. То есть, пожалуй, нет, духовно солдаты нашей дивизии крепли, они дрались с еще большим остервенением. Один сталинградский солдат не раз заменял взвод в предельно редких боевых порядках. Он стал удивительно ловок, полон мудрой военной хитрости, самопожертвования и героизма. Он дрался раненным, дрался умирающим, он внушал такой ужас врагу, что те не верили даже в его смерть, считая и ее военной хитростью. Бывало упадет скошенный автоматной очередью человек, десятки пуль прошили его тело, а враг долго боится к нему подступиться. Кто его знает, не встанет ли, ибо, если хоть одна капля крови осталась у защитника волжской твердыни, если жив его мозг, все может быть. В агонии и то человек способен на сопротивление.

Но и таких героев оставалось все меньше. Мои разведчики уже дрались на передовой, дрался там и комендантский взвод, дрались и штабы полков.

— В многостаночников превратились, — не раз шутил Гуртьев, узнавая, как какой-нибудь артиллерист-наводчик, увидев подползавших к нему гитлеровцев, уничтожал их из автомата, а затем возвращался к своему орудию.

Впрочем, даже сейчас комдив оставался спокойным.

— Ну что ж, численность компенсируется умением, — говорил он, когда ему докладывали о новых страшных потерях.

И люди, обыкновенные советские люди, совершали подвиги, о которых не забыть, которые стали гордостью нашей армии.

Расскажу про некоторые из них. В один из напряженных боевых дней к комдиву вошел начальник штаба дивизии.

— Кушнарев докладывает, что немцы пошли в атаку, — сказал полковник.

Комдив подошел к аппарату.

— Кушнарев!.. Кушнарев!.. Вы слышите меня? — он

продувает трубку. — Кушнарев!.. Эх, опять обрыв!

— Будет исправлено, товарищ полковник, — замечает Хамицкий и обращается к связисту: — Путилов! Найти повреждение, исправить.

Сидящий возле аппарата комсомолец Матвей Путилов стремительно вскакивает. Он еще очень молод. Синие глаза, мягкие белокурые волосы, нежный, почти девический овал лица. Товарищи в шутку называют его девочкой, но он не обижается. Трудно вывести из душевного равновесия такого веселого, жизнерадостного юношу.

— Есть, найти повреждение и исправить! — повторяет он приказ.

Минут через двадцать Хамицкий доложил:

— Товарищ полковник, связь восстановлена.. Майор Кушнарев на проводе.

— Как, уже? — удивился Гуртьев и с одобрением: — Молодец Матвей, именно так надо работать.

Но проходило время, а Путилов не возвращался. Хамицкий встревожился.

— Не случилось ли что с парнишкой? Пойду погляжу сам.

Он вышел из штольни и, взяв в руки провод, направился в расположение полка Кушнарева. Противник, как всегда, бил из миномета. Приходилось то и дело залегать, а кое-где и переползать. В одном из таких мест Хамицкий натолкнулся на неподвижное тело бойца, лежащего вниз лицом. Телогрейка его была пропитана кровью и иссечена осколками. Шапка свалилась и лежала рядом. Осенний ветер ласково шевелил мягкие белокурые волосы. Только взглянув на них, Хамицкий сразу узнал связиста.

— Матвей! — вырвалось у него.

Боец не пошевельнулся. Хамицкий осторожно перевернул лежащего на спину. Да, это был Путилов, но уже мертвый, а в зубах его зажаты концы порванного провода. Смерть помешала срастить провод, но последним усилием воли комсомолец все же нашел способ выполнить приказание. Хамицкий представил себе, как через мертвое тело молодого героя проходят сейчас четкие слова боевой команды. Он с трудом вынул концы провода из судорожно сжатых зубов. Быстро соединив их, вновь склонился над Путиловым.

— Эх, Матвей, как же это так? — горестно произнес Хамицкий и крепко, по-братски, поцеловал своего бойца в уже похолодевшие губы…

Эпизод известен. О нем писали в газетах и показывали в кино. Эта история произошла именно у нас в дивизии и именно

так, как я ее описал.

Расскажу еще об одном незабываемом эпизоде.

В дни сентябрьских боев на КП полка подполковника Михалева начались налеты гитлеровских бомбардировщиков. Михалев, смелый, выдающийся командир, решил немедленно организовать противовоздушную оборону. Он мобилизовал для этого взвод противотанковых ружей. Комсорг полка лейтенант Шонин с бронебойкой в руках засел на крыше одного из полуразрушенных зданий. Не успел он занять свою позицию, как появились «юнкерсы». Сделав боевой разворот, став в хвост друг другу, они пошли в пике. Начали падать фугаски. Над головой Шонина пронесся первый бомбардировщик, за ним — второй, третий, четвертый. Когда подлетел пятый, Шонин выстрелил. «Юнкерс» вспыхнул и, свернув влево, упал над фашистскими боевыми порядками, та же судьба постигла и шестого стервятника. Но следующей бомбой был убит сам Шонин. Правительство посмертно наградило Шонина орденом Ленина.

Во время этого налета был убит и подполковник Михалев.

…Однажды, вернувшись из расположения полка Чамова, Гуртьев несколько минут задумчиво ходил по своему блиндажу. Потом, обратившись к связному, сказал:

— Вызовите лейтенанта Чередниченко.

Чередниченко служил в одной танковой дивизии, которая, отступая, оказалась в Сталинграде, где потеряла большинство своих машин. Танк Чередниченко одновременно с двумя другими нашими машинами был подбит три дня назад.

— Товарищ полковник, лейтенант Чередниченко по вашему приказанию прибыл, — переступив порог блиндажа, отрапортовал танкист.

Гуртьев, внимательно оглядев его невысокую, крепко сбитую фигуру, спросил спокойно:

— Ну как, земляк, письма из Омска получаете?

— Вчера два получил, — взметнув кверху нависшие над глазами удивительно густые брови, ответил Чередниченко и, не удержавшись, спросил: — А вам пишут, товарищ полковник?

— Меня тоже не забывают, — улыбнулся Гуртьев. — Знаешь, земляк, соскучился я по нашему родному городу, по его знакомым улицам, по Иртышу, по тайге. Тебя, поди, тоже тянет домой хоть на часок?

— Эх, хорошо бы! — вздохнул Чередниченко.

— Ничего, дружок, не унывай. Скоро отпразднуем наше возвращение домой с победой. Ждать недолго. — Лицо комдива стало на минуту задумчивым, затем, перейдя на деловой тон, он сказал: — Вот что, лейтенант, сейчас отправитесь к Чамову и

обследуете подбитые танки. Результаты доложить к утру лично мне. Главное, точно установить степень повреждения.

Темная осенняя ночь помогла комсомольцу Чередниченко незаметно достичь цели. Далеко за полночь он позвонил комдиву:

— У танков номер тысяча восемьдесят семь и номер девятьсот шестьдесят пять тяжелые повреждения. Танк номер триста семьдесят четыре требует небольших исправлений. Часов шесть работы — и готово.

— Немедленно приходите сюда.

Лейтенант явился. Комдив как раз сидел за столом. Пригласив танкиста разделить с ним завтрак, он начал его расспрашивать о том, где находится Т-34.

— Стоит он, правда, к противнику совсем близко, ремонтировать трудно. Но справимся. Ручаюсь, — заверил лейтенант полковника.

— А не накроют вас немцы?

— Постараемся, чтобы не накрыли, — сказал Чередниченко.

— И чтобы не узнали, понимаете, не узнали о ремонте. Ясно?

— Ясно, — сказал Чередниченко. Но, что-то вспомнив, уже иным тоном добавил: — Речь идет о восстановлении ходовой части, огневую мы не восстановим.

— Огневой сейчас достаточно и из-за Волги дают. А вот ходовой, чтобы подавить кое-что, явно не хватает. Так как же?

— Есть, товарищ полковник, исправить ходовую часть танка номер триста семьдесят четыре как можно быстрее.

— Ты, Виталий Григорьевич, козырять подожди, а вот послушай-ка лучше.

Танкист удивленно взглянул на комдива. Он никак не ожидал, что командир дивизии знает его имя и отчество. Лейтенанту было не больше двадцати лет, по имени и отчеству к нему никто не обращался.

Затем они долго беседовали, лейтенант и полковник. Задумав дело, Гуртьев всегда советовался с его исполнителем, внимательно выслушивал замечания и возражения. Впрочем, сейчас возражений не было. Ремонт танка полковник решил поручить старшему сержанту Перову, довольно молчаливому уральцу, по своей гражданской специальности кузнецу.

— Работа есть, немного используем тебя по гражданской специальности, — сказал Гуртьев Перову.

— На кузню пошлете, товарищ полковник? — невольно вырвалось у старшего сержанта.

— Вроде того, — уклончиво ответил комдив. — Вот придет твой дружок, и все разъясню!

В это время дверь блиндажа приоткрылась и вошел танкист

Дятковский, медлительный и широкоплечий, бывший токарь по металлу. Он молча откозырял полковнику и неподвижно встал у притолоки, ожидая приказания.

— Здорово, молодец! — приветствовал его Гуртьев. — Ты, говорят, вчера отличился.

Дятковский чуть заметно пожал плечами: мол, ничего особенного. Не желая бездельничать, он примкнул к пехотинцам и вместе с ними отражал фашистские атаки. Во время одной из них тяжело ранило командира роты старшего лейтенанта Серова. Дятковский под сильным огнем противника вынес с поля боя раненого Серова.

— Как старший лейтенант, жив? — спросил комдив.

— Был жив, когда сдавал его санитарам, — отвечал Дятковский.

— Ну вот что, друзья, дело нам предстоит трудное, — сказал Гуртьев и объяснил задачу.

Ночью Чередниченко, Перов и Дятковский подползли к танку № 374 и занялись его ремонтом. Работали тихо, чтобы не спугнуть противника. Впрочем, утром не стоило соблюдать тишину: на нашу передовую налетели неприятельские «юнкерсы». Без минуты передышки, стая за стаей, они бомбили расположение дивизии сибиряков. Грохот стоял такой, что не только стук молотка, но и грома не расслышишь. И ребята трудились не покладая рук: пока шла бомбежка, нечего опасаться. И получилось странное. Улетели «юнкерсы», и Чередниченко с сожалением вздохнул: трудно, мол, теперь станет работать Темп ремонта замедлился. Но все же дело двигалось. Вечером у ремонтников кружились головы, от жажды пересохло во рту, потрескались губы, голоса охрипли.

Вечером под грохот очередного артналета Чередниченко проверил механизмы и, убедившись в их исправности, отправился в штаб дивизии.

— Товарищ полковник, ваше приказание выполнено, танк номер триста семьдесят четыре к бою готов, — отрапортовал лейтенант, войдя к Гуртьеву.

— Ну это ты зря, ведь стрелять-то он не может, — подзадорил его полковник.

Чередниченко смущенно потупился, как бы чувствуя себя виноватым в том, что до конца не доведено такое хорошее дело.

— Не горюй, что надо — то сделано, — улыбнувшись, заметил комдив, — нам сейчас важно другое.

И, склонившись над картой, стал объяснять задачу.

— Пойдете один, будете прикрывать пехоту, танк врагам не сдавать, — сказал он в заключение.

Немцы прекрасно знали танк, который только что отремонтировал Чередниченко. Эта машина причинила им много неприятностей. Совсем недавно, удачно прорвавшись через передний край, она подмяла шестиствольный миномет, вывела из строя одну вражескую батарею, подавила два пулеметных гнезда и уничтожила взвод эсэсовцев. На обратном пути танк был подбит, но успел развернуться лобовой частью к врагам, как бы вновь готовясь к бою. Да так и застыл, круто накренившись башней к северу. Немецкие автоматчики побывали здесь и убедились, что их недавний враг вышел из строя.

На следующий день, едва закончилась восьмичасовая бомбежка с воздуха и стихли артиллерийские налеты, гитлеровцы ринулись в атаку. Они бежали мимо поврежденного танка, не обращая на него внимания. И вдруг мертвец ожил. Гневно взревел мотор. Повернулась башня, и танк, лязгая и гремя гусеницами, грозно двинулся с места. Гитлеровцы замерли от изумления. В этот момент батальон чамовского полка бросился в контратаку. Впереди него неожиданно даже для наших бойцов, как бы возглавляя атаку, шел воскресший танк. Ворвавшись в фашистские цепи, он давил, гнал, сеял панику.

Наконец враги опомнились и открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по машине Чередниченко, но та продолжала наступать. Но вот снаряд попал в гусеницу. Последний разворот — и танк своим громадным корпусом загородил пробоину в заводской стене, лишив противника одного из выгодных рубежей.

Чередниченко был ранен, но успел выскочить на землю и благополучно дополз до наших окопов. Из госпиталя он снова вернулся в дивизию, но уже в качестве механика. На его груди горел орден Красного Знамени. В дивизии танкист вступил в партию.

Это случилось так. Однажды утром по блиндажам, вырытым под высоким волжским берегом, разнеслось:

— Свирин пришел, Свирин!

Появлению комиссара дивизии были рады все. Веселый, жизнерадостный, всегда, как говорится, «в форме», он умел одним своим присутствием вселять в людей бодрость. А последнее было, пожалуй, едва ли не самым главным в те дни.

Крепко сложенный, но чуть-чуть сутулый, не то от возраста, не то от многих вражеских пуль, сидевших в его теле, он прошел в землянку, в которой что-то ремонтировал Чередниченко.

— Ну как, готов? — улыбаясь спросил Свирин.

— Так точно, товарищ батальонный комиссар.

— И отлично. Тогда идем на КП.

Они вышли. Вокруг, как всегда, все грохотало, но Чередниченко не обращал внимания ни на падающие поблизости мины, ни на свистевшие над головой пули. Его глаза горели, в них жили и радость, и гордость, и волнение.

Партийное собрание, состоящее из трех коммунистов и двух кандидатов, было необычайно коротким. Оно рассмотрело заявление Чередниченко, а затем все по очереди пожали ему руку.

Хочется рассказать еще один эпизод, свидетельствующий о том, как во время самой битвы наши бойцы воспитывали друг друга.

В первые дни наступления, уже после занятия нами немецких окопов, мне довелось побывать в полку, которым командовал майор Чамов, и встретиться со старыми знакомыми — Багровым и Верхововым.

Светало. Бойцы разбрелись по гитлеровским блиндажам и осваивали новые помещения. Увидев меня, они обрадовались.

— Товарищ капитан, к нам милости просим. Перекусим вместе, — пригласил Верховов.

«Перекусить». Я невольно усмехнулся. Только сейчас вспомнилось, что я уже почти сутки ничего не ел.

— С удовольствием.

— Тогда входите, входите, — заторопился Верховов, — покормим знаменито. Правда, трофейным. От хозяев кое-что осталось, только уж не откажите перевести, что здесь написано.

И ефрейтор расставил передо мной штук десять банок с консервами, среди которых оказались разные деликатесы, вроде омаров, анчоусов, неаполитанских сардин. Мы их с аппетитом отведали.

Сержант неожиданно спросил Верховова:

— А письмо мое у тебя цело?

— Какое письмо?

— Да вот то, которое я тебе перед началом атаки дал, когда мы на всякий случай записками менялись.

— Как же, вот оно, — отвечал Верховов и вынул из папки сложенный вчетверо небольшой лист бумаги.

— Тогда прочитай сам, — предложил Багров.

— К чему?

— Читай, читай вслух.

Делать нечего. Верховов развернул бумагу и удивленно посмотрел на своего друга.

— Так здесь же ничего не написано, — ничего не понимая, прошептал он.

— Дай я прочитаю то, что не написано, — предложил Багров

и, помолчав, произнес: — Помни, ефрейтор, в бою от товарища тебе не следует отставать. А ты, брат, отстал. Писать же мне, родной, нечего. Умирать до Берлина я не собираюсь.

Бывший парикмахер слегка покраснел.

— Да разве за тобой угонишься, ты ведь страха совсем не знаешь. Ничего. Как-нибудь в другой раз от тебя не отстану, — заверил он.

…Посещала нашу передовую и любовь.

В дивизионной аппаратной однажды вышел небольшой скандал. Мою телеграмму передали с опозданием. Почему? Обратился к начальнику штаба. Полковник Тарасов вызвал телеграфистку Надю К. и проверил ее журнал. Выяснилось, начальнику артиллерии она передавала вне очереди.

— Зачем вне очереди? — спросил Тарасов.

Девушка смутилась и забормотала невразумительное.

— Не понимаю, расскажите толком, — настаивал начштаба.

Щеки Нади стали пунцовыми, а бормотание еще более невразумительным.

Доложили комдиву, тот выслушал и сказал: «Ладно».

Казалось бы, все кончилось, но нет, продолжение следовало.

На следующее утро к Гуртьеву явился связной артиллерист Павел Несмачный и попросил разрешения обратиться.

— Говорите, — разрешил Гуртьев.

Несмачный покраснел и сказал:

— Надя не виновата.

— Почему? — заинтересовался Гуртьев. — Почему не виновата?

— Да потому, что я телеграмму принес.

— Ну и что же, а кто разрешил передавать вашу телеграмму вне очереди?

— Не для начальства она это сделала, а для меня.

— А ты-то тут при чем?

Полковник долго и внимательно смотрел на Несмачного, тот изнемогал от смущения. Еще бы, в штабе дивизии Павла звали красной девицей, и справедливо звали. Румяный, с пушком на верхней губе, тихий, застенчивый, он сразу обращал на себя внимание. И вдруг такое признание.

— Любовь? — спросил комдив.

— Она самая, — с трудом выдавил из себя связной, — только вы уж, товарищ полковник, не подумайте, сейчас мы так, только смотрим друг на дружку, вот после войны, тогда…

— Правильно, — одобрил Гуртьев, — после войны я сам на свадьбу приеду, сам спляшу.

Но Павел продолжал стоять перед комдивом, не собирался

уходить.

— Есть еще что? — спросил его Гуртьев.

— Есть. На передовую бы меня. Хочу в бой.

Командир дивизии удивился.

— Почему именно сейчас на передовую? Раньше ведь не просился…

— Да вижу, делу мешает она, эта самая любовь-то, да и стыдно в штабе мне сидеть — здоровый ведь я, молодой.

Командиру дивизии слова понравились.

— Правильно, дорогой, правильно, завтра же отправлю тебя в батарею.

Вечером Надя плакала и, когда все уснули, о чем-то долго говорила с Павлом, а утром Несмачный ушел в батарею.

И когда на следующий вечер в аппаратную пришел с очередной депешей другой боец, Надя не вытерпела и с деланным равнодушием спросила:

— А тот, что до вас ходил, где он?

— Не можем знать. Наше дело такое. Он на передний ушедши, — притворяясь и нарочно ломая язык, пояснил боец. В дивизии все, кроме самих влюбленных, давным-давно догадались о чувствах молодых людей, но делали вид, что не знают.

— Ну что ж, давайте, передам, — упавшим голосом, еле слышно произнесла девушка, медленно протянув руку за листком.

Через несколько дней ее было уже не узнать. Надя осунулась, потускнела. Глаза стали строгими, а у губ залегли горькие складки.

Подруги понимали. Сочувствовали. Но как помочь ей? Смешили — не выходит. Грустили вместе — на их ласковые утешающие слова она отвечала путано.

И вот в один из хмурых и беспокойных ноябрьских дней…

«Здравствуйте», — раздался в аппаратной такой желанный и такой близкий сердцу голос. У девушки опустились руки. В груди бешено застучало сердце. Впрочем, обернуться не решалась. А вдруг не то…

— Что у вас? — шепотом произнесли ее губы.

А он совсем близко. Взял за плечи своими сильными руками и тихо:

— Надюша, милая, ждала?

Она обернулась. На груди Несмачного медаль «За отвагу».

— Как же ты? — спросила она, указывая на медаль.

— Да так, пустяки, ты не обращай внимания, — взволнованно, прерывающимся голосом проговорил Несмачный…

«Пустяки» выглядели так.

Прибыв в часть, Павел с ходу попал в бой. Гитлеровцы напирали.

Им это удалось. Вечером же, когда наступил «мертвый час» и немцы занялись ужином, их прогнали назад. Во время контратаки тяжело ранило командира подразделения. Немцы ринулись к нему. Это увидел Несмачный, он убил двоих гитлеровцев и вынес командира с поля боя.

Вскоре после этого Павел был ранен, но оставался в строю. Гуртьев, узнав об этом, перевел его в комендантский взвод при штабе дивизии, и влюбленные снова оказались вместе.

Фронтовая любовь — она опошлена многими. Немало зубоскалили о романах юных связисток со стариками начпродами, о хорошеньких связных пожилых генералов.

Конечно, кое-где и такое бывало, но отдельные, кстати довольно редкие, случаи не должны набросить тень на наших военных девушек. Даже и в сталинградском пекле не умирала любовь. Всюду жизнь — она ведь сильнее смерти. И кто мог осудить Надю, когда, сменившись с дежурства, она выходила на короткую встречу с любимым человеком.

ОТВАЖНЫЕ

Я лежу в госпитале. Несколько дней назад из моего бедра удалили осколок. С наступлением сумерек я вижу за окном облака, длинные, волокнистые, обожженные вечерней зарей. Кажется, что багровые языки пламени прихотливо и неподвижно разметались по вечернему небу да так и застыли. А на стенах палаты красные квадраты окон как отблески близкого пожара.

Вопреки всему я пишу эти записки.

…За воспоминаниями о пережитом время идет быстро. Боли уменьшились, и общее самочувствие улучшилось, я пишу сам, обложившись подушками, хотя есть кому помогать.

Утро. В раскрытую форточку доносятся звонкие, жизнерадостные голоса детей. Ребята спешат в школу.

Тихо вокруг, а думы возвращаются в горящий Сталинград. И передо мной, как бы из туманной дымки, возникают образы его молодых героев — Миши Рязанова и Жени Середы. Эти двое навсегда останутся в моей памяти.

С Мишей Рязановым я встретился так.

Хмурым октябрьским утром мы шли в штаб армии. Я, офицер связи лейтенант Аргунский и младший лейтенант Демидов. Идем и коротаем путь беседой, говорим о разном: о вчерашнем бое, о втором фронте, открытия которого каждый из нас ждал с нетерпением, а затем почему-то о «Философских повестях» Вольтера. Аргунский — большой любитель литературы, по складу характера оптимист, настроение Панглоса, героя повести. «Кандид», ему особенно по душе. Но и увлекшись разговором, мы стараемся все же держаться поближе к крутым обрывам берега. Так безопаснее. Когда на пути попадается балка, мы замолкаем на полуслове и бежим взапуски. Вот бы в такой момент взглянуть на нас со стороны! Полный Аргунский, несмотря на солидное брюшко, проявляет редкостную прыть. Но вот балка осталась позади, и мы возобновляем прерванный разговор.

Все трое чрезвычайно утомлены. Этой ночью дивизия отразила восемь атак. Ноги еле передвигаются. Хочется лечь на влажную от утренней изморози землю и хоть на мгновение закрыть глаза. Но нельзя. В планшетке лежат важные документы, захваченные у немцев, и донесение в штаб армии.

Над головой проносятся вражеские мины и падают в Волгу. Чуть не ежеминутно кверху взметаются причудливые водяные снопы. Одна из мин взрывается на берегу, неподалеку от нас. Мы падаем на землю, чтобы спастись от осколков, которые проносятся над нами и грузно шмякаются об землю.

— Да, Панглосу не довелось познакомиться с минами, — жалуется Аргунский.

Вдруг до нашего слуха донесся болезненный детский стон. Мы замедлили движение. Стон повторился. Еще протяжнее, еще надрывнее. Однако стоять нельзя, подстрелят, как куропаток. Фашистские снайперы-то не дремлют. Перемигнувшись, круто поворачиваем вправо. Перед нами «гнездо» — землянка без дверей, выкопанная в отвесном овраге на некотором возвышении от уровня земли. Вдоль берега таких «гнезд» было не перечесть… Поднимаемся по песчаным осыпающимся ступенькам. Заглядываю внутрь.

— Ой-ой-ой, — плачет, катаясь по земляному полу, мальчик. Сразу, пока глаза не привыкнут к полутьме помещения, его не разглядеть. Наконец удается. Паренек как паренек, вихрастый, но очень тощий и бедно одетый.

— Что с тобой, малыш? Ранен?

— Ой, скорее позовите тех двух, которые с вами… — отчаянно кричит он.

— Да они здесь, у входа, — отвечаю я. Затем достаю карманный фонарик, внимательно осматриваю стены, пол, потолок и одежонку мальчишки. Странно, крови нигде нет: ощупываю ему руки, ноги, спину — никаких признаков ранения. Подозрительно что-то. Притом, откуда парнишка мог знать, что я не один. Очевидно, кто-то за нами следил… Но кто? С какой целью?

Мальчик продолжает кричать:

— Ой, больно!.. Ой-ой!.. Пусть скорее войдут все.

А те и сами вошли, загородив и без того скудный свет. Мальчик вскочил на ноги и рывком бросился ко мне.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Там немцы… Скорее… Их двое… Пойдемте, — торопливо зашептал он. Мы невольно переглянулись. А мальчик перевел дух и продолжал:

— Они в женском… Ну скорей же…

Я обнял его и спросил как можно мягче:

— А ты-то сам их видел? Да и кто ты такой? Откуда?

Своими вопросами я его не смутил. Мальчик лишь возмущенно взглянул на меня и с достоинством ответил:

— Я сталинградец. Здесь вырос. На «Октябре». Да чего сидите-то? Пойдемте!..

Мы молчали. Он догадался — не верим. Это задело его. В глазах вспыхнул огонек. Он широко расставил свои босые крепкие ножонки и с обидой:

— Вот честное пионерское! — и совсем тихо добавил: —

Только жалко, что без галстука салют нельзя отдать.

Мы поверили и уже под его водительством покинули «гнездо», осторожно двинулись вперед. В овраге лежал недавно убитый красноармеец. Он лежал широко раскинув руки, словно хотел обнять родную землю…

Стали подниматься по склону. Мальчик впереди, мы за ним. Как опытный проводник, он то и дело предупреждал, где нагнуться, метров через сто подал нам знак прильнуть к земле и едва слышно:

— Смотрите влево, да не высовывайтесь.

Мудрено, конечно, выполнить такой приказ. Слева от нас тянулась целая цепочка небольших холмиков. Я отполз от тропинки, снял каску и потихоньку начал прикладом толкать ее перед собой на холмик. Вдруг автоматная очередь. Откуда и кто стрелял, не видно. Мальчик дернул за сапог и возбужденно зашептал:

— Пойдемте, где Чапаев ходил, только скорее.

Я толком не понял, при чем здесь Чапаев, но двинулся за мальчиком, круто забирая влево по дну небольшого овражка.

— А ну-ка теперь посмотрите вон на тот холмик, — шепнул мой маленький руководитель.

Я повторил маневр с каской, но на этот раз по ней не стреляли. Тогда я осторожно высунулся. Метрах в двадцати перед нами высилась глухая стена полуразрушенного каменного домика. Справа из окна торчал ствол автомата. Аргунский выпустил две короткие очереди по автомату. Из дома ответили. Вдруг из-за стены выскочила женщина и, путаясь в юбках, бросилась наутек.

— Да стреляй же, ведь фриц бежит! — не вытерпел мальчуган.

Я выпустил длинную очередь по бегущему. Тот нелепо взмахнул руками и упал. Вторая «дама», выскочившая из окна, подняла руки. «Дама» дала ценные показания… «Она» оказалась переодетым немецким офицером.

— Молодец! Ты поступил как настоящий пионер, — похвалил Аргунский мальчугана и спросил: — А зачем ты разыграл спектакль с оханьем и криками?

Мальчик сначала плутовато усмехнулся, а потом спокойно:

— А это у меня военная хитрость. Боялся — мимо пройдете и не поверите.

И, нахмурившись:

— И вас обязательно убили бы. Если бы остановились, когда меня увидели, тоже убили бы. Нужно, значит, заманить к себе в «гнездо».

— Ладно, а что же это за тропинка, по которой ты нас водил?

Мы внимательно посмотрели на мальчонку. Тот уже успокоился. Непринужденно шагал рядом с нами, не замечая пролетавших над головами снарядов и мин.

— Да тут раньше, до войны, с ребятами в «Чапаева» играли. По тропке я самого Чапаева к Уралу от беляков уводил. Тишка Лебедев его играл. Ох и отстреливались же мы тогда с Василь Иванычем… Я его даже на себе выносил, — с гордостью произнес он, — потому и тропка «Чапаевская».

Приказом по армии пионеру Михаилу Рязанову была вынесена благодарность. Сам командующий, генерал Чуйков, крепко пожал ему руку.

Знакомство с Женей Середой произошло при иных обстоятельствах. Однажды вечером в дверь моего блиндажа постучали, тихо, нерешительно. Я сидел над картой, детально изучая оборону противника, и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Войдите!

Дверь открылась. В блиндаж ворвалась струя холодного воздуха, взметнулось пламя гильзы. По стенам заплясали причудливые тени. Однако привычного рапорта или доклада не последовало. Я слышал только за спиной взволнованное прерывистое дыхание. Обернувшись, я увидел необычно маленькую фигурку, неподвижно застывшую возле самого входа в блиндаж. Видимо перехватив мой взгляд, фигурка осмелела, сделала шаг вперед и вдруг заговорила срывающимся от волнения голосом.

— Товарищ капитан, разрешите доложить, — посетитель запнулся, умолк на несколько секунд, вероятно припоминая непривычную для него воинскую формулировку, и закончил на еще более высокой ноте: — Евгений Середа явился для предъявления своих документов.

Каюсь, рассматривая посетителя, я сам смутился. На войне гражданские своим непривычным видом вызывали изумление. А этот очень маленького роста юноша был одет в старый пиджак и имел совершенно мирный вид. Чувствовалось, что он был немного обескуражен наступившим молчанием. Прождав несколько минут, странный посетитель, видимо решив произвести на меня впечатление своим бравым видом, расправил плечи, пружинисто выпятил грудь, затем, не совсем удачно подражая кому-то, залихватски тряхнул своим красноватого цвета чубом и, широко открыв глаза, замер в ожидании.

— Голубчик, говори по-человечески, — попросил я его.

Весь напускной шик слетел с моего гостя. Он взволнованно

несколько раз свернул и развернул бумагу, которую держал в руках, и произнес уже совсем тихо:

— Простите, если помешал… Больше не буду.

От услышанного на меня так и повеяло школой, детством и бесхитростными ребячьими шалостями. Захотелось обнять за плечи паренька и заговорить с ним хорошо, по душам.

— Ну, показывайте, что у вас там?

Он протянул мне небольшой листик бумаги, исписанный до половины крупным ученическим почерком. Буквы с косым наклоном, со старательным нажимом. На верхней строке особенно четко и старательно выведено: «Автобиография Евгения Середы». Далее следовало несколько строк, повествующих о том, когда родился и где учился. Желая растянуть слишком короткое жизнеописание, автор в конце одну строку оставил свободной, на следующей же написал: «Такова автобиография Евгения Середы». Затем-опять через строчку следовали старательно выведенные подпись и дата. Я недоуменно повертел в руках «документ» и спросил:

— Так что же вам от меня нужно?

Паренек вытер тыльной стороной ладони выступивший капельками на лбу пот и ответил:

— Ничего. Просто я хочу в разведчики, — и совсем простодушно, по-детски: — Примете?

На подобное предложение следовало ответить подобающе, и я сказал:

— Вам, молодой человек, учиться бы надо, а не в армии служить.

Он немного обиделся и возразил:

— Лет мне шестнадцать с половиной, только вот ростом не вышел, а воевать надо — родителей-то фашисты убили.

Довод веский. Каждый имеет право мстить врагу. Но…

— Но поймите, дорогой, лет-то вам мало, — не совсем твердым голосом сказал я.

— Меня сам полковник послал. А в гражданскую войну, жаль, что вы не знаете, там мальчишек брали. У Чапаева, у Щорса. Я же сам читал.

— Ишь ты, какой большой и грамотный. А ну-ка подойди сюда.

Женя уверенно шагнул к столу.

— Покажи, где мы тут, — я указал на карту, разостланную на столе, в полной уверенности, что хоть так удастся отвадить гостя.

Женя посмотрел и ткнул пальцем:

— Здесь.

— Не здесь, а тут, — поправил я.

— И я показывал на правый, а не на левый берег, — поспешил исправиться Женя.

При этих словах я не смог удержать улыбку.

— Ну садись, Евгений Середа. Рассказывай, что с тобой приключилось, — пригласил я его.

Паренек уселся на кончик табуретки. Глядя на пламя самодельной лампы, он, словно собираясь с мыслями, с минуту молчал. Его живые блестящие глаза сразу стали задумчивыми и не по-детски серьезными.

…И отца и мать убили, — начал он, точно выжимая из себя эти тяжелые слова, — что делать? Направился к Волге. Все сюда тянулись. Родился-то здесь. Каждый переулок знаю. Только в развалинах однажды заблудился. Улиц не видать, сами знаете. Камни одни. И домов нет. И вдруг смотрю, левее завода — я уже был на нашей стороне — дом небольшой, не совсем разбитый. Захожу. А там прямо передо мной зеркало. Большущее. До потолка. И как оно только не разбилось? Стены-то попадали ведь. А в зеркале я. Сам себя не узнал. Должно быть, потому, что не умывался я долго. Черный, чумазый, аж страшно самому. А уши белые. Посмотрел я на свой пиджак, а там лохмотки одни, даже стыдно. Мать всегда чисто одевала, — он глубоко и горестно вздохнул и продолжал свой обрывочный рассказ. — Я его там и оставил, пиджак-то. А потом… У меня в ушах зазвенело. Есть хотел, а тут сразу расхотел. А во рту будто сахар… — Женя помолчал немного и закончил, растягивая слова, очевидно восстанавливая забытое: — И уже не помню, что дальше было. Спать захотелось здорово. Дома и то так не хотел никогда. А проснулся, смотрю, кругом наши.

Еще раз вздохнул, теперь уже с облегчением, вопрошающе посмотрел мне в глаза:

— Ну как, возьмете? — спросил.

Очень захотелось исполнить его просьбу. А почему бы и не исполнить? Шестнадцать с половиной, конечно, немного, но это уже не ребенок. Низкий рост имел свои преимущества. Середа мог выдать себя за малолетнего.

— Вот что, Женя, иди к разведчикам, отдыхай, а о твоей просьбе я доложу начальству.

Едва успела закрыться за мальчиком дверь, как в блиндаж вошел старшина Комов. Степенно пригладив усы и бороду, он неторопливо подошел к столу. Этот пожилой воин пользовался большим уважением среди товарищей. Они прислушивались к каждому его слову, шутливо называли «дедушкой».

— Потише вроде стало, — доверительно сообщил он таким тоном, каким обычно пожилые колхозники говорят про не в меру

разошедшийся дождь. Так и казалось, что за этой фразой он скажет: «Завтра, должно, вёдро будет». Но Комов еще раз пригладил свою чуть посеребренную бороду и спросил: — Завтра пойдем в разведку, товарищ капитан?

— Вы же сами знаете, пойдем.

— Верно, знаю, — согласился он и как бы между прочим произнес: — А я к вам насчет мальчонки. Смышленый малец.

Вопрос поставлен ребром, и с деланным равнодушием я ответил:

— Да, парень ничего себе.

— Во-во, очень толковый, — обрадованно подхватил Комов, опускаясь на табурет. — Разрешите курить, товарищ капитан?

— Закуривайте, — я протянул ему папиросы.

— Благодарствуем, — он чуть приподнялся и слегка подался вперед, — не потребляем.

Я настороженно ждал от этого бывалого служаки очередного какого-нибудь каверзного вопроса, которыми он любил поражать внезапно собеседников.

Комов старательно скрутил «козью ножку», глубоко и с видимым удовольствием затянулся, разгоняя рукой едкий махорочный дым, затем недоумевающе покрутил головой и пустился в разглагольствования:

— Одного не пойму я: чего такой оголец в армию рвется. Ведь там, на левом берегу, говорят, и школы для них, чертенят, устроены, и харчи добрые, и забота, и все другие удовольствия. А вот поди ты…

— А вы вот и поговорили бы с ним насчет харчей и удовольствий, — вскользь заметил я Комову.

— Да нешто я не говорил. Еще как. Ничего не доходит. Одно твердит: в разведку да в разведку. Я ему: «Посуди сам, мил человек, ну куда тебе в разведку? Худущий да жалостный ты какой-то с виду. Вот на кухню, пожалуй, куда ни была, возьмут». Обиделся. Говорит, не девчонка какая, чтобы с посудой возиться. Как я ему только не доказывал, что кухня — совсем не зазор. Покормить-то умеючи надо. Взять хотя бы котелок, и то не каждый почистить может как следует.

— Так вы советуете его на кухню?

— Зачем же на кухню? — искренне удивился Комов. — Надо, по-моему, его в нашем деле испытать, раз малый такое стремление имеет… А к вам его сам полковник Тарасов направил. Значит, высшее начальство не возражает. И всем ребятам он больно приглянулся. Просили меня походатайствовать.

— Хорошо, я подумаю.

Комов потоптался на месте еще немного, раза два произнес:

«Мальчонка-то больно толковый», но, видя, что я склонился над картой, спросил разрешения и потихоньку вышел.

Сейчас, когда пятнадцать лет отделяют нас от Сталинградской битвы, многим может показаться странным, как это начальник разведки дивизии собирается использовать в своем сугубо доверительном деле незнакомого мальчика. Если рассуждать с формальной точки зрения, это заявление верно, но тогда не всегда поступали так. Война-то была народной. В ней участвовали не только солдаты и офицеры, а сотни, тысячи сугубо гражданских людей, тех, кому в иное время и в голову не пришло бы браться за оружие, в том числе и молодежи. В особенности юноши — каждый из них готов был жизнь отдать, чтобы помочь армии. Да и мальчишки, порой даже против воли начальников, просачивались в боевые подразделения. Да и как отказать детям, потерявшим близких, бездомным, изголодавшимся. Их принимали, подкармливали, а затем под благовидным предлогом отправляли в тыл. Причем не всегда удачно. При первой возможности ребята давали стрекача, возвращались назад, бойцы с неделю их прятали от начальника, а затем и сам начальник, давно полюбивший мальчонку, начинал смотреть на его дезертирство из тыла сквозь пальцы.

Решая судьбу Евгения Середы, я подумал: «Пусть поживет, покормится, а там увидим».

В подобных же выражениях сформулировал свое решение Гуртьев, услыхав о шустром пареньке.

Жене выдали обмундирование, поставили на довольствие, и теперь Середа помышлял лишь об автомате, которым вскоре и снабдил его Комов.

Каюсь, я мало думал о юноше. Не до него было. Положение на фронте становилось все более и более напряженным. В полках разведчики уже сидели в окопах, да и нам, несмотря на «строжайшие» предписания Гуртьева, приходилось делать то же. Однако если я не думал о пареньке, то Комов, принявший под опеку Женю, заботился о нем. Он помог Середе освоить автомат и обучил многому своего молодого товарища. С разрешения Гуртьева с юношей немало поработал и дивизионный радист, обучивший Женю работать на радиопередатчике. Словом, не прошло и месяца, как недавно еще совсем «зеленый» паренек превратился в настоящего разведчика. И не только разведчика, но и любимца штаба дивизии.

— Вчера приходил ко мне ваш юноша проситься в разведку, — заметил мне как-то полковник.

— Молод очень.

— Конечно, молод, — вздохнул командир дивизии, — однако

трудно запретить человеку участвовать в таком святом деле, как наша война.

Разговор получился как нельзя более кстати. Разведотдел армии возложил на нас ответственную задачу. Необходимо было проникнуть в тыл противника. Как назло, товарищ, присланный для этой цели, попал под обстрел и погиб. Заменить его некем. Послать бойца на такую операцию нельзя. Немцы заподозрят лазутчика, а Женя, благодаря своему маленькому росту, вполне годится. Поговорил с комдивом, тот вызвал к себе Середу.

— Прибыл по вашему приказанию, товарищ полковник, — доложил юноша, вытянувшись перед Гуртьевым.

— Вольно, сынок, — сказал полковник, — присаживайся.

И начал разговор, хороший, задушевный. Глядя со стороны, казалось, беседуют отец с сыном. Нет войны, не гремят орудия, не гибнут в окопах люди. Полковник расспрашивал, Женя отвечал охотно. Теперь уже не вместить бы в несколько строк биографию шестнадцатилетнего парня. Речь шла о школе, семье, комсомольской работе, мыслях о будущем.

Как всегда, часто зуммерил телефон, то и дело отрывался от беседы Гуртьев, но затем вновь возвращался к ней.

— Ну что ж, — наконец решил он, — иди, сынок. Такие, как ты, выдержат, не подведут.

На заре Комов и Ахметдинов провожали друга, давали советы, снабжали чем могли. Комов подарил трофейный шестнадцатизарядный пистолет, а Ахметдинов — небольшой пакет, завернутый в пергаментную бумагу.

— Возьми, подкрепиться никогда не вредно, — ласково улыбнувшись, добавил татарин.

— Зачем, зачем, — попробовал отказаться Женя.

— Бери, когда дают, а вот когда вернешься, такой пир закатим, что самому начпроду страшно станет, — пообещал Комов.

Я стоял в стороне и думал: «Быстро возникает настоящая фронтовая дружба».

Середа был снабжен радиопередатчиком, который он нес в чемоданчике.

Дальше мы двинулись уже вдвоем. Получилось несуразное. Я волновался, а Женя, наоборот, вел себя как ни в чем не бывало. Он улыбался, шутил, весело поглядывая по сторонам. Утро едва занималось. Изредка посвистывали пули. Где-то неподалеку бухали мины.

— Координаты и ориентиры помнишь, не спутаешь? — спросил я.

Он даже как будто немного обиделся:

— Что вы, товарищ капитан, до смерти не забуду, могу ответить, как на экзамене, — а помолчав немного, спросил: — Товарищ капитан, почему полковник так сильно на моего погибшего отца похож? Не по внешности, нет, а вот сам не пойму чем. Только очень похож. Так хорошо мне было с ним вчера, — и, не дожидаясь ответа, деловито: — До наблюдательного пункта по-пластунски доберусь. Так вернее.

— От души желаю успеха. Ты идешь в нейтральную зону. Немцев там нет, но осторожность никогда не мешает.

— Не сомневайтесь, буду глядеть в оба, — бодро пообещал юноша и скрылся среди развалин.

Все утро он не выходил у меня из головы. Все представлялось, как ползет он к северной стене в указанное место, как с трудом, не обращая внимания на ссадины, пробирается по каменной основе здания, выбирая самое удобное место для наблюдательного пункта.

С Женей, как удалось узнать впоследствии, произошло следующее.

Вначале он дополз до бывшего здания Дзержинского райкома комсомола. Там, вероятно, остановился отдохнуть. В здании райкома ему приходилось бывать не раз. Здесь, в светлой, просторной комнате второго этажа, Середу принимали в комсомол.

Затем Женя упрямо, но осторожно, по-пластунски, слившись с землей, продолжал свой путь. Через пробоину он попал в большой, стоящий почти у переднего края немцев дом. Вскоре мы получили от него первое сообщение. Я не отходил от радиста, да и не я один. Гуртьев тоже то и дело наведывался сюда. Ждали с волнением. Приемник некоторое время молчал, затем радист вздрогнул, сделал нам знак рукой и, приняв первое донесение Середы, сообщил местонахождение трех минометов противника.

Еще четверть часа — и новое сообщение: в квадрате 51-Ж — офицерская столовая.

Офицер связи артполка связался со своими огневыми позициями, и наши орудия начали пристрелку.

— Метко бьете, — сообщил Женя и указал новый объект.

Затем сообщение: «С западной стороны здания показалась группа немцев. Идут во весь рост, словно у себя дома. Открываю огонь». Еще несколько минут — и коротко: «Бежали!»

Дальнейшее видели разведчики. Немцы засыпали снарядами дом, в котором засел Середа. Вокруг него творилось что-то невероятное — взлетали камни, рушились последние остатки стен.

Минут через тридцать с НП сообщили, что в том пункте, где

расположился комсомолец, слышна интенсивная автоматная перестрелка. Это означало, что Середа обнаружен и вступил в неравный бой. Однако противник, очевидно, не предполагал, что имеет против себя всего лишь одного, и то совсем молодого, человека. Фашисты, вероятно, подумали, что наши части создали новый опорный пункт. На дом обрушился шквал артиллерийского огня. Удастся ли Жене уцелеть в таком аду?

«Жив ли? Жив ли?» — мучила мысль. Воображение рисовало страшные картины. Я представил себе, как он лежит в своем углу, прикрыв передатчик собственным телом. А кругом творится нечто невообразимое, остовы развалин вздрагивают до самого основания.

Но юноша еще не погиб. Снова нам сделал знак радист и принял новую передачу:

— Немцы кругом. На пункте «С» батарея. Веду бой.

Обстрел усилился, а приемник молчал. Напрасно радист взывал в эфир. Он кричал, не думая об уставных позывных:

— Женя, прием, Женя, откликнись, Женя…

Когда грохот орудий стих, никто уже не надеялся, что юноша жив.

Минуты казались часами. Равнодушно, как всегда, светило солнце. По синему небу медленно проплывали ленивые облака. А человек погиб.

— Замечательный парень, настоящий сталинградец, настоящий советский человек, — прошептал Гуртьев, но радист вдруг крикнул:

— Тишина, принимаю!

Полковник расцвел. Мы жадно следили за рукой, выписывающей букву за буквой.

— Патроны на исходе. Живым не сдамся. Еще несколько минут — и последняя радиограмма:

— Прошу бить по пункту «А». Скопление немцев.

— А где же он сам тогда? — озабоченно спросил Гуртьев.

— Не сообщает. Отойти от этого пункта Женя вряд ли мог. Кругом гитлеровцы. Судя по всем данным, он вызывает огонь на себя.

— А что же будем делать? — нахмурился Гуртьев. — Что будем делать?

Впервые я услышал от него такой вопрос. Затем командир дивизии принял решение:

— Будет хуже, если его ранят или захватят живым. По-моему, иного выхода нет, как только выполнить просьбу. Можно, конечно, предположить, что сам Женя и вышел оттуда, но…

Полковник внимательно посмотрел на лежащую перед ним

карту, глубоко вздохнул и сказал артиллеристу:

— Огонь, полный боевой.

Через несколько минут на левом берегу Волги заговорил дивизион «катюш». Залп, другой, третий…

Гуртьев сжал кулаки и страшными, полными непереносимой муки глазами смотрел куда-то вдаль. Он, как и все мы, представлял себе смерть героя-юноши. Как и все, преклонялся перед его подвигом.

Весть о геройской гибели Жени Середы быстро облетела весь берег. А бойцы постарались донести ее и до граждан, не пожелавших перебираться на левый берег. Многие из них начали осаждать штадив предложением своих услуг. В большинстве случаев мы отказывали. Какую пользу, например, могла принести больная старуха, уговаривавшая, чтобы мы послали ее в тыл к врагу, или другой, тоже пожилой, не обладающий крепким здоровьем человек.

Явился пионер Миша Рязанов. Несмотря на строгий приказ переехать на левый берег, он бежал от сопровождающего и снова осел в своем «гнезде».

— Как бы мне вашего полковника увидеть? — спросил Миша у первого же встретившегося бойца.

— А тебе зачем? Может, помладше кого надо? Полковник-то занят.

— Сведения важные, — потупив голову и слегка покраснев, пояснил Миша.

Боец истолковал это по-своему.

— Тогда другое дело, пойдем, — и повел к штольне.

— Малец секретные сведения о немцах сообщить хочет, — таинственно шепнул он коменданту штаба старшему лейтенанту Чибиреву.

Тут-то мы снова и встретились с Мишей.

— Ба, старый знакомый, так ты же на левом!

— Нет, на правом, — буркнул мальчик. — Мне к полковнику надо… По важному делу.

— А мне не скажешь?

— Могу, только полковник-то старше, а тут дело такое, — он запнулся.

— А все-таки?

— Да нет уж, не скажу.

Мальчик обладал незаурядной волей. Ничего с ним не поделаешь. Доложил Гуртьеву.

— Э-э, вот вы какой! — подумал вслух Миша, увидав командира дивизии.

— А что, страшный? — и у глаз комдива лучами разошлись

тонкие морщины.

— Да нет, — спокойно отвечал мальчик.

Он казался довольно примечательным в эту минуту. Маленький, в оборванном костюмчике, настоящий беспризорник, а вел себя независимо, с достоинством.

— Да нет, совсем не страшный, — уже улыбнувшись, повторил Миша, — коли бы боялся, не заявился бы. Дело у меня. Знаю, как целую армию фрицев изничтожить.

— Армию, да ну?

— Может, не армию, а полк, может, не полк, а маленько меньше, разве их посчитаешь, — уступил мальчик и деловито добавил: — Подвал есть под заводским домом, где прежде рабочее общежитие было, большой такой, хоть дивизию по нему веди, а из того подвала лаз в другой, а оттуда мы еще лаз пробили. А там уже и немцы. Вот и наступайте.

Гуртьев вынул из ящика стола карту.

— Указать можешь?

— А то разве нет, — надул губы мальчик. — Мы в пионерском отряде топографию изучали.

Однако как ни пыхтел мальчуган, а найти нужное сразу не смог.

Командир дивизии терпеливо наблюдал за ним, а потом помог ему ориентироваться. Теперь дело сдвинулось, и Миша указал дом с подвалом.

— Интересно, — сказал Гуртьев. — Молодец мальчуган, но помни: это военная тайна.

Миша серьезно обиделся, надул губы, стал совсем ребенком и буркнул:

— Я не маленький.

Вечером Сахно-старший с Мишей исследовали подвал. Все верно, ход под немецкую сторону есть.

И снова мальчика вызвали к командиру дивизии. Вид у него немного торжественный, помылся даже и как мог привел себя в порядок.

— Вот что, сынок, — обняв мальчика за плечи, сказал полковник, — за указание спасибо. Командование не забудет тебя. Но расскажи, ты как, тройки приносил из школы или четверки?

Мише вопрос не понравился. Он сморщил нос, нахмурился: причем, мол, тут школа, нынче война, однако на вопрос ответил:

— Зачем тройки, на тройках, как говорила бабушка, купцы в старом Царицыне раскатывали. Пятерки приносил.

— Так вот, родной, и новые пятерки завоевывай. Сколько вас здесь прячется, огольцов, небось всех знаешь?

— Как не знать, когда я их командир, — похвастался Рязанов. — Восемь нас.

— А народ вы дисциплинированный? Приказы выполняете?

— А то как же.

— Так вот, завтра в девять утра чтобы вся твоя команда явилась ко мне.

— А зачем? — встревожился Миша.

— Тебе кто спрашивать разрешил? Сказали явиться — и явись, — строго приказал командир дивизии.

— Есть, явлюсь.

Вслед за этим Гуртьев вызвал заместителя по тылу и велел приготовить восемь комплектов обмундирования.

— Притом самых маленьких, учтите, самых маленьких.

А затем Гуртьев обратился ко мне.

— Капитан, следовало бы спланировать, — побарабанив пальцами по столу, проговорил он, — спланировать организацию участия в ваших поисках детей грудного возраста, конечно, под вашим руководством.

Упрек заслуженный, стало не по себе.

— Словом, сделайте вывод. Ребят всех в тыл, — добавил он.

На другое утро в девять часов перед полковником вытянулись ребята. Босая команда выглядела довольно браво.

— Так вот, товарищи, — серьезным тоном обратился к ним полковник, — хотите помогать Родине?

— Служим трудовому народу, — отвечал хор детских голосов.

— А если хотите, то я вас направлю сейчас в одно подразделение. Обмундирую и отправлю.

Как загорелись глаза мальчуганов, не передашь, не нарисуешь.

— Но подразделение на том берегу. Работать будете в тыловых учреждениях, кто почтальоном, кто посыльным.

Мальчикам такое не понравилось. Но никто из них не смел перечить. Ничего не поделаешь, на то и армия.

— Но помните, ребята, слушаться любого приказа, за малейшую ошибку взыщу, — сказал полковник и прибавил, уже обращаясь ко мне: — Отправьте их на катере сегодня ночью. А пока проследите, чтобы их одели и накормили. Заодно проверьте, все ли подготовили для того, чтобы их обмундировать.

Ребят я отвел к разведчикам, и там они провели день. С заместителем по тылу договорился, вечером их эвакуировали на тот берег. И, конечно, не для работы в тыловых учреждениях, а в детприемник.

А на рассвете рота автоматчиков проникла по подвалам в тыл

немцам. Получилось очень удачно. Наши уничтожили несколько десятков гитлеровцев и захватили их позицию.

…На войне особенно развито чувство локтя. Люди сближаются быстро и надолго. Бывало, встретишь спутника по бескрайним фронтовым дорогам, подружишься с ним, а расставшись где-нибудь у контрольного пункта, с любовью будешь вспоминать этого незнакомого, но ставшего почти родным военного.

Семьи нет. Она где-то в глубоком тылу. О ней думаешь по ночам, мечтая о далеком свидании. Свидании, напоминающем чудо. А пока… пока жену, детей, родителей заменяет боевая семья твоего подразделения. Тяга к ней сильна необычайно. Причем каждый немало повоевавший имеет свою самую любимую часть, «основную», как бы сказать. Эту и после бесчисленных неизбежных переводов он считает своей, ею гордится.

Только пятьдесят дней провел я в дивизии, но с тех пор, вероятно, до самой смерти буду считать себя гуртьевцем. А потому разлука с соединением показалась мне особенно тяжелой.

Случилось это так. Меня вызвал к себе комдив.

— Вас вызывает штаб армии, — сказал он мне.

Стало тяжело, как при прощании с родным домом.

На КП штарма в овраге, около нефтесиндиката, узнаю о своем новом назначении — помощником начальника разведки штаба армии.

Жизнь в «хозяйстве Чуйкова», или «наверху», как именовали его в дивизиях, мало чем отличается от жизни у Гуртьева. Почти круглосуточная работа, почти круглосуточные бои. Штаб армии в обычных условиях должен дислоцироваться за десять километров от переднего края. Здесь иное. Расстояние от КП до первой линии окопов измеряется порой сотнями метров…

Между тем Сталинградское сражение подходило к своему кульминационному пункту.

Кончалась вторая декада ноября. Немцы продолжали нажимать. В десятых числах месяца, когда по Волге плыло так называемое «сало», гитлеровцы в течение нескольких часов так бомбили передовую Людникова, что казалось, здесь все погибло. Но атака, предпринятая после массированного налета «юнкерсов», захлебнулась. Стряхивая с себя щебень, сплевывая попавший в рот песок, советские бойцы поднялись навстречу врагу и отразили его. Однако снова понеслись в пике «юнкерсы». Гитлеровцы занял» овраги. Еще атака — и передовая оказалась разорванной в нескольких местах.

В эти минуты особенно напряженно работала разведка. Мы тщательно изучали силы противника и установили, что он

производит перегруппировку: снимает стоящие против 64-й армии румынские и итальянские части, отводит их во второй эшелон и заменяет подтянутыми с Дона эсэсовскими дивизиями. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения — жди последнего боя.

Однако странно отнесся к таким сообщениям генерал Чуйков. Прослушав доклад, он как-то загадочно улыбнулся.

Война приучает обращать внимание на мелочи. Мысль напряженно заработала. Неужели ожидаемое наступает? Верилось: фашистам готовилась ловушка. А одновременно тревога. Эсэсовцы — не румыны. Кто знает, выдержит ли шестьдесят четвертая? Ведь силы войск на исходе. А ожесточенным атакам конца не было. Армейская передовая разорвана. Мы, правда, держались, но…

…Близится рассвет незабываемого 19 ноября. Тучи висят почти над головой. Даже осветительные ракеты не могут победить эту облачность. В такую погоду авиация бездействует. Впрочем, нет. Вот с левого берега Волги зажужжали шмелями ночные бомбардировщики — героические фанерные кукурузники, для них любая погода не страшна. Они хозяйничают над немецкой передовой, основательно обрабатывая ее. Сработав как следует, самолеты-крошки улетели.

В блиндаже духота. Предрассветные сумерки — лучшее время для прогулки. Я вышел из блиндажа подышать свежим воздухом. Вдруг вижу, впереди Чуйков. В руках у генерала часы, он смотрит на их светящийся циферблат и чего-то ждет. Позади Чуйкова начальник штаба Крылов и член Военного совета Гуров.

Сердце забилось. Неспроста такое.

Вдруг затряслась земля. Гул, приглушенный расстоянием, но потрясающий, неслыханный.

— Наверное, гроза, — вырвалось у начальника разведки армии майора Давыдова.

— Гроза, но не божья, а наша, советская, — усмехнулся Чуйков и, обняв Крылова, поцеловал его.

Что пережили мы — не передать. Значит, оно началось? Грудь распирал восторг, хотелось петь.

Как выяснилось, гитлеровцы еще не понимали своего поражения. 19 ноября они продолжали атаки. Они вышли к этому времени на берег Волги у Тракторного, у Мокрой Мечетки, в районе «Красного Октября» и у Купоросного. Бой продолжался весь день, ночью же в подразделениях частей Чуйкова был зачитан приказ о переходе в наступление. Двадцатого ноября, собрав последние силы, сталинградцы бросились в атаку. Противника захватили врасплох. Готовясь к наступлению,

уверенные в близкой победе, фашисты оголили вторую линию обороны. А первую прорвали дивизии Горохова, Людникова, Родимцева и другие.

Однако и теперь, несмотря на прорыв в районе Серафимовича и Клетской, несмотря на окружение в районе Калача, враг сопротивлялся. Он не пал духом. Помню взятого в плен фельдфебеля одного из гренадерских полков. Матерый фашист, он держался почти вызывающе. Даже спорить пытался. Уверял, что Сталинграда как такового уже нет. Командование, мол, решает свои задачи, и окружение — чепуха.

В эту минуту немецкий «мессершмитт» вступил в бой с нашим самолетом и поджег его. Летчик выбросился, а гитлеровский ас стал его расстреливать.

— Видите, ваша авиация бессильна против нашей, — заявил пленный.

…Началось сжимание кольца. Враг часто переходил в контратаки. В районе Балкан он прорвал фронт и вышел к нефтяным бакам. В районе Рынка даже прорвался к реке. Там его и окружили.

Началась зима, суровая, с метелями и сильными морозами. Я не стану описывать долгие два месяца уничтожения армии Паулюса. Это достаточно известно. Последние два месяца битвы у меня в памяти сливаются в одно целое, подобное сплошному громадному дню, наполненному грохотом и свистом раскаленного металла. День, каждая минута которого подтверждала нашу победу.

…3 февраля оперативная группа штаба въехала на «виллисах» в город. Освобожденный город имел жуткий вид. Страшный город. Военные в нем ходили по диагонали, напрямик, гражданские по квадратам — невидимым следам вчерашних улиц. Впрочем, передвигаться опасно. Всюду указки с надписью: «Осторожно, мины!». Около универмага пленные гитлеровцы складывают в штабеля трупы своих солдат и офицеров. Действуют энергично. Специальными крюками волочат окоченевшие тела. Распоряжаются деловитые фельдфебели, покрикивая на недостаточно ретивых могильщиков. Смотришь и не веришь, неужели все кончено?

Около театра сообщают: в подвале засел кто-то. Осторожно спускаемся в черную, угрюмую нору. Навстречу выскакивает одетый в халат фашист и убивает одного из наших спутников. Фашиста тут же приканчивают.

Спускаемся ниже. Громадное, освещенное ацетиленовыми фонарями помещение. Страшная вонь. На каменном полу вповалку лежат раненые. Поодаль кучкой санитары и врачи.

Объясняем: «Бой окончен, армия Паулюса сдалась».

Не верят.

Полковник из штарма посылает на КП связного с запиской, в которой просит доставить в «госпиталь» продовольствие и лекарства.

Длинный сумрачного вида врач испуганно смотрит на полковника, а затем спрашивает:

— Значит, расстреливать будут?

В его глазах ужас.

— Что вы, — отвечаю, — полковник просто хочет помочь вам, покормить, обеспечить медикаментами.

В глазах собеседника недоверие…

…Мои записки близятся к концу, но, быть может, еще не следует ставить точку. Не только на пятачке волжского берега дрались — судьба великой Сталинградской битвы решалась и в донских степях. Уже много после, в госпитале, я получил письмо от старого друга, участника великого прорыва под Клетской. Приведу письмо полностью:

> «…На рассвете нашу 252 дивизию вывели в танковый ров, который проходит перед станицей Клетской, красавицей станицей, но уже порядком разрушенной. Она в нейтральной полосе. Мы засели в придонских лесах, румыны же оседлали высоты.
>
> Ночью начальник штаба полка капитан Серебряков вызвал меня к себе, сообщив, что через час идем в наступление.
>
> Наступления ждем с нетерпением. Правда, наш полковой кругозор ограничен. Диапазон наблюдений не выходит за пределы расположения полка, длина фронта которого не превышает километра, но те, кто маршем проходили по донским степям к месту сосредоточения, понимают: готовится грандиозное. Мы двигались ночью, днем спали в землянках, вырытых кем-то заблаговременно. Во время этих ночных, бесконечных маршей замечали многое. Дороги к Дону напоминают весенний разлив рек. Сотни тысяч людей, похожих на древних паладинов в своих касках и плащ-палатках, идут и идут. Идут в темноте. Курить строго запрещено. Мы невидимы для ныряющих в черном небе «фокке-вульфов» и «мессершмиттов». Однако если сверху ночь скрыла полки Красной Армии своей шапкой-невидимкой, мы внизу чувствовали громадную мощь подкрадывающихся

армий. Каждый сознавал: завтра, послезавтра эта могучая сила ударит…

Близится рассвет. Мы залегли в противотанковом рву. Тихо. Перед фронтом проносится на левый фланг донской кавалерийский корпус. Полки за полками в удивительном порядке, как на параде. Всадники один к одному, образцовые наездники. В одном строю молодые и старики, видавшие не одну войну станичники.

Корпус промчался — и снова тихо. Я смотрю на нескошенную черную рожь, покрывающую поле. Над полем вверх, километра за два, гора. На горе враг. Мы должны атаковать его. Атаковать — легко сказать. Там ведь стоят нацеленные на нас пушки и минометы. И нелегко будет, если они заговорят.

Нет, они не заговорили. Вдруг затряслась земля. Это бьет наша артиллерия, это наши минометы, «катюши». Батальоны идут вперед, а мы, штаб полка, еще стоим, еще ждем, с упоением вслушиваясь в величественную музыку победы. Она кажется замечательной, эта музыка, несравненной, вдохновляющей.

Вот двинулись и мы. Впереди сплошные разрывы. Гребень горы напоминает верхушку вулкана во время извержения, там все клубится, все пылает. Но вот кончается извержение. Артиллерийский налет уходит вперед, а над вражеской передовой появляются белая и красная ракеты. Значит, передний край противника взят, продвигаемся вперед.

Минуты быстрого бега — и мы на горе.

Тут все перепахано снарядами и пусто. Батальоны преследуют отступающих, мы не успеваем их догнать.

Вдруг откуда-то с левого фланга танки. Они ринулись на нас, однако стремительный налет «катюш» превращает их в горящие факелы.

Я оборачиваюсь назад и замираю от изумления. Весь склон черен от войск. Идут танки, несутся по большаку механизированные полки, за ними кавалерия, за кавалерией пехота.

А над головой низкие серые облака, защищающие от «юнкерсов».

Эта лавина обогнала нашу дивизию и устремилась вперед по полю. Ничто ее не может остановить. И каждому ясно: пришел и на нашу улицу праздник. Победа, замечательная советская победа.

Ночью в небольшом казачьем хуторе, за

километров от Клетской, к командиру полка подполковнику Володашику подходит радист и докладывает: принята сводка Совинформбюро.

Подполковник занят.

— Потом прочитаешь, — говорит он, а затем радостно: — Сегодня мы сделали эту сводку…»

НА ОТДЫХЕ

Мы живем у тетки Матрены, пожилой, доброй, хлопотливой женщины. Она сразу взяла нас под свое покровительство. Посмотрела на новых постояльцев, всплеснула руками и давай охать:

— Мамочки, да белье, чай, у вас грязное да порванное, скидайте скорее, постираю.

Едва уговорили отложить все это до вечера, как новое причитание:

— Мамочки, чай, голодны, за стол, милые, за стол.

А на столе появилась тыквенная каша, показавшаяся нам редкостно вкусной. Однако с еще большим восторгом был воспринят отдых, отдых на покрытом душистым сеном теплом полу. Спишь на таком сене и снится луг раннего лета, мягкая, молодая трава, первые цветы. Впрочем, не долго снится мирная идиллия. Снова перед глазами встают недавние бои, знакомые обрубленные снарядами корпуса заводов, гиенный вой мин. Просыпаешься и беспокоишься, почему не стреляют, — значит, новый подвох. Словно вина какая. Словно самовольно ушел из боя, товарищей на произвол судьбы бросил. Наш участок главный на всем необъятном фронте, тянущемся от Белого до Черного моря. Ведь именно здесь, у завода, немцы обрушили свой самый страшный удар. Потому невольно вслушиваешься в тишину, потому полон тревоги, по-старому ли там, в районе Г-образного дома? Он мил и дорог, сей несуразно стоящий, полуразрушенный дом, часть перекрытий которого обвалилась, дом без крыши, дом, который трудно будет восстановить. И не случайно дорог. И позади-то и впереди еще вдоволь войны, но, как декабрист, до смерти вспоминающий как самое великое в жизни Сенатскую площадь, так и ты будешь почитать самым важным, самым великим овеянные громом орудий дни. Эти героические дни раскололи бытие на две половины, на то, что было до них и что случилось после них, они твоя гордость, они твоя слава. Слава, которую уже признает народ.

Не успели мы перебраться на левый берег, не успели поговорить с людьми — гражданскими и военными, — как поняли, что звание сталинградского бойца стоит на недосягаемой высоте. Поверили, что даже внуки поднимут головы, говоря: а дед мой дрался под командой Чуйкова на волжском берегу.

Дрался? С удивлением замечаешь, говоришь в прошедшем времени, а душа воспринимает его настоящим. Сознание не в силах примириться, что ты, здоровый, сильный мужчина, хоть на

несколько недель, а оказался вне битвы.

Но служба есть служба, и невольно втягиваешься в новую тыловую жизнь. Многое претит на первых порах, многое незаконно вызывает возмущение. Когда смотришь на проходящих командиров, ворчишь: забронированные, мол, от смерти, а затем замечаешь, хромает товарищ, потом узнаешь: только что из госпиталя. Жадно набрасываешься на газеты, на книги — и вдруг новость: приехал к нам писатель Василий Гроссман. Он знакомится со всеми, расспрашивает, записывает ответы. Перед каждым из нас встает вопрос: а почему он обращается именно ко мне, не герой ведь я? Да и рассказывать будто нечего. Ну, падали мины, ну, воевали, а что, собственно говоря, здесь интересного? Пришел писатель и ко мне.

— Я к вам, — с улыбкой произнес он.

— Пожалуйста, проходите, садитесь, чем могу служить?

— Да вот мне о гуртьевцах хотелось бы написать. Да заодно и узнать о боях поподробнее.

Я рассказал, да и не только я. Многие гуртьевцы сообщили о боевых делах нашей дивизии. Писатель уехал, и вскоре мы прочитали его очерк «Направление главного удара».

…Вспоминается и другой день. Где-то на перекрестке фронтовых дорог мне встретился старый друг, товарищ по недавним боям. Сели на холме около кювета, разговорились.

— А Гуртьев, что с ним? — спросил я.

Мой друг нахмурился и рассказал. Под Орлом комдив был смертельно ранен.

— Я… кажется… убит… — сказал он умирая.

Правительство присвоило Гуртьеву звание Героя Советского Союза.

Жители Орла воздвигли памятник гвардии генерал-майору Л. Н. Гуртьеву. Память о нем навсегда сохранят благодарные потомки, помня о том, что

Мы не город в огне защищали,
Знал боец и седой командарм, —
Мы у Волги в боях отстояли
Коммунизма великий плацдарм…

как писал в свое время один из сталинградских поэтов, посвятивший свое произведение величайшей в истории войн битве за город.